

Алекс Кимен

16+

Рождение Богов

иллюстрированный фантастический роман

Алекс Кимен

**Рождение богов I.
Иллюстрированный роман**

«Автор»

2020

Алекс Кимен

Рождение богов I. Иллюстрированный роман / Алекс Кимен —
«Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04202-5

Он пытался спасти мир и стал рабом. Но что если бывшая хозяйка станет его рабыней? Красивая история. Любовь и борьба за будущее мира. 27 прекрасных полноцветных иллюстраций! Необычная книга про путешествие во времени и спасение мира. Здесь нет переселения душ и сверхспособностей. Только реальные исторические факты и максимально достоверная реконструкция перемещения современного человека в Древнюю Грецию. Если вы считаете, что герои никогда не делают ошибок, не испытывают страх, не влюбляются и не сталкиваются с неудачей, то вам не стоит читать эту книгу. Герой не робот и не сверхчеловек: он ошибается, боится, любит и ненавидит. А, кроме этого, перед ним стоит совершенно невыполнимая задача. Это не любовный роман, но здесь есть настоящая любовь, способная пережить века. А еще здесь есть жгучее солнце, соленый ветер, сладкое вино и головокружительный вид на Афинский Акрополь, поражающий каждого северного варвара, попавшего в великие Афины.

ISBN 978-5-532-04202-5

© Алекс Кимен, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алекс Кимен

Рождение богов I.

Иллюстрированный роман

Рождение Богов

Пролог

I

30 дней до конца света

Эту звезду нужно было зажечь во что бы то ни стало. Делион знал это. Сейчас все зависело от него и его команды. Триста верных, испытанных бойцов, прошедших огонь и воду вместе со своим командиром. Они всегда выходили победителями из бесчисленных схваток благодаря навыкам, отваге и чувству долга. Но никогда прежде им не приходилось выполнять столь подлой и одновременно безнадежной работы.

Три сотни воинов отдадут свои жизни, чтобы свершилось величайшее зло. Но это крошечная цена, это их последний вклад в победу Ордена. Важно зачистить Пятый сектор. Нельзя дать сепрам закрепиться здесь, в незащищенном подбрюшье Родины.

Делион подошел к зеркалу и придирчиво осмотрел парадный китель. Идеально. Как и подобает выглядеть командиру в такой час.

– Мостик, отчет, – тихо сказал командор и застегнул последнюю петлицу.

– Энергетика – норма, щиты – норма, оружие – норма... – привычный ладный корабельный переключ.

Делион поправил кобуру и вытащил кортик. Сощурившись, взгляделся в искаженное тусклое отражение, бегающее по лезвию.

– Тактическая ситуация без изменений. Выход к цели через пятнадцать столнов, – штурман завершил доклад.

Делион одобрительно кивнул.

– Включить общую связь.

Короткая пауза.

– Внимание всем! Говорит капитан...

Делион тяжело вздохнул и начал давно отрепетированную речь...

Вы можете узнать историю командора Делиона, прочтя рассказ «Последний рас-свет» на сайте ЛитРес.

Бесплатная аудиокнига доступна на моем YouTube канале.

Пролог

II

Апокалипсис сегодня

Группа бойцов осторожно двигалась через подлесок, окружая обшарпанный корпус лаборатории. Каждый из них знал, что не останется в живых, но, по крайней мере, они могли выбрать свою смерть...

- Снаружи чисто!
- Пятый на позиции.
- Третий и четвертый прикрывают!
- Доложить о готовности.
- Первый – готов!
- Второй – готов!
- Шестой – готов!
- Поехали!

Звон разбитого стекла, грохот выбиваемых дверей и оглушающий требовательный крик:
– ФСБ! Не двигаться! Всем на пол!

Однако не только нападавшие были готовы драться до конца. Короткое замешательство – и здание лаборатории заполнил грохот выстрелов и тошнотворно-кислый запах бездымного пороха.

Уже через несколько секунд майор Смирнов понял, что столкнулся с настоящими профессионалами. Непонятно только, как они позволили его штурмовой группе подойти незаметно. Впрочем, похоже, у державших оборону бойцов были те же сложности, что и у нападавших. Никто не хотел разминивать на бессмысленные пустяки последние дни своей жизни...

Смирнов ощутил что-то смутно знакомое в решительных действиях охраны лаборатории. Вжавшись в нишу в стене, он торопливо заменил обойму и крикнул:

- Прекратить сопротивление!
- Из-за угла раздался насмешливый возглас:
- Смирнов? Ты, что ли?
 - Твою ж налево... Перепенко?
 - Он самый.
 - Ты что творишь!
 - Выполняю приказ.
 - Я тоже...

Повисла тишина. Бойцы, прижавшись к стенам, перезаряжали оружие, прислушиваясь к перебранке командиров.

Майор прищурился, вспоминая Перепенко. С его отрядом он несколько раз сталкивался на совместных тренировках... А пять лет назад, когда спецы из Academi прижали их отряд под Аль-Суваром, именно группа Перепенко, сброшенная с вертушки, в последний момент пришла им на помощь...

- Может, обсудим? – спросил Смирнов, отгоняя некстати всплывшее воспоминание.
- Тут нечего обсуждать, майор...
- Перепенко! Это же глупо! У меня личный приказ директора ФСБ! У нашего человека идеальная подготовка!
- А у меня приказ генерала Петрова, и это наша операция!
- Мы же хотим одного!
- Не знаю, чего вы хотите... Я верю только своим!

Майор переглянулся с лейтенантом, приготовившим светозумовую гранату, и коротко кивнул. Щелкнул предохранитель, боец поднял кулак и начал разгибать пальцы. Четыре, три, два, один...

Грохот и ослепительная вспышка.

– Вперед!

...

Часть I

Глава 1

18 сентября 20XX года

1

Все любят апокалипсис. Гибель мира необычайно волнует и захватывает нас. Это зрелище никого не оставляет равнодушным. Любой апокалипсис совмещает приятное с полезным: красивые и грозные виды перемежаются с предельным вопрошанием вселенной. Кто мы? Как оказались здесь? И ради чего все это было?

Апокалипсис органично наполняют воинственные, но прекрасные юные девы с трудным прошлым, извиняющим их инфантильную жестокость и сексуальную распущенность, а также суровые вчерашние школьники, получившие блестящую боевую подготовку в онлайн-вых шутерах.

Апокалипсис можно смаковать, упиваясь меланхоличной грустью и потерей несбыточного, можно наслаждаться его угрюмой эстетикой или заряжаться его яростной энергией. Главное – не сомневаться и не задавать бесполезных вопросов: действительно ли перед лицом смерти люди превращаются в диких и опасных зверей? Или это выдумки ленивых писателей и креативных режиссеров, которым трудно представить людей, поставивших достоинство и человечность выше смерти?

Для жителей страны, не раз прошедшей через ад и чистилище и пережившей как минимум три апокалипсиса за последние сто лет, это не праздный вопрос. Вековой опыт подсказывает, что апокалипсис может начаться в любой момент. И не поможет ни зарытая прадедом под сараем берданка, ни припасенные бабушкой мешок соли и ящик тушенки, ни хрустящая пачка купюр в глубине шкафа под стопкой чистого исподнего. Впрочем, как раз чистое исподнее может немного повысить шансы на выживание.

Еще интереснее вопрос: может ли один человек спасти мир? Как будет выглядеть это спасение? И как понять, что мир спасен? Чем спасение старого мира будет отличаться от создания нового? Вопросы... Вопросы... Вечные вопросы без ответов.

...

Алексей, как и любой двадцатилетний студент, не любил вопросы без ответов. Он любил подольше поспать. К сожалению, в пятницу занятия в университете начинались с первой пары, и ему надо было выйти из дома в восемь утра. Для студента третьего курса встать в такую рань, безусловно, величайший подвиг. Исходя из общечеловеческой морали и элементарного здравого смысла, эту пару нужно было прогулять, и какое-то время Леша всерьез раздумывал об этом. Но чувство долга взяло верх, он торопливо оделся и выскочил из квартиры.

На улице оказалось неожиданно прохладно. Он поежился, застегнул куртку и с обидой взглянул на солнце. Солнце покраснело. Вероятно, от стыда. Да... не задалось в этом году бабье лето.

В маршрутке Леша начал отогреваться, и его стало клонить в сон. Но рядом двое мужчин интеллигентного вида что-то встревоженно обсуждали, не позволяя Леше впасть в блаженное оцепенение.

– Нет, вы видели график за последние две недели?

– Я думаю, это эффект интерференции различных солнечных циклов.

– Да какая интерференция, мы же с вами вчера смотрели данные! Боюсь, это очень серьезно... Кстати, Владимира Сергеевича срочно вызвали в Москву...

– А я с ним вечером по телефону говорил, он был дома...

– Ночью вызвали! С кровати подняли! Он полчаса назад из Москвы звонил, просил подготовить отчет...

Заснуть не удавалось, и Леша начал строить догадки, о чем говорят неугомонные попутчики. «Есть же еще энтузиасты! Так что разговоры о гибели отечественной науки – брехня!» – подумал он с белой завистью. В университете его учили экономике. Но когда он задумывался об этой науке, то в голову ему большей частью лезли идеи о том, как заработать много денег, а не о том, как решить экономические проблемы человечества.

Собеседники не унимались:

– А аномально низкая температура? Я общался со Стивом Флайбергом из Калтеха. Вчера они зарегистрировали самую низкую среднепланетарную температуру за всю историю наблюдений!

Леша поежился и стал разглядывать тусклое солнце сквозь грязное стекло маршрутного такси.

2

Лекция по социологии тянулась бесконечно. Леша с трудом подавил зевок и вопросительно посмотрел на соседа.

– Д5, – прошептал Коля.

– Мимо! – Леша покусал кончик карандаша и решительно вонзил его в лист бумаги. – А4?

– Ранил!

– А3?

– Снова ранил.

Мог ли Коля засунуть нос корабля в угол? Леша внимательно посмотрел на соседа, тот демонстрировал безразличие и полный контроль над эмоциями.

– А5!

Коля сокрушенно выдохнул:

– Убил.

Леша с довольной ухмылкой обвел корпус корабля. Его взгляд скользнул на лектора.

– Согласно теории Штрауса и Хоува, общество разделено на поколения – возрастные группы, сформировавшиеся в схожих исторических и экономических условиях. Люди одного поколения имеют одинаковый набор базовых ценностей и мировоззрение...

– Хм... Базовых... Б-б-б... – пробормотал Леша. – Б8?

– Мимо!

Леша придвинул к себе тетрадь. «Надо что-нибудь записать!» – подумал он и взял ручку.

В его сознание прорвался голос лектора:

– Поколение «Икс» в России сильно отличается от американского, несмотря на общий исторический контекст. Например, в обеих странах поколение «Икс», родившееся в период между шестидесятыми и восьмидесятыми годами, по сути, последнее поколение, чье взросление пришлось на доинформационную эпоху. Детство их прошло без интернета, мобильных телефонов и компьютеров. Дети были предоставлены сами себе и не испытывали постоянного

родительского контроля, как сейчас. Но американские «иксы» не были свидетелями краха государства и идеологии, чего наши «иксы» насмотрелись предостаточно. Например, я могу вспомнить свое детство и молодость. Невозможно описать словами то чувство тотальной потерянности...

Сосед толкнул Лешу в плечо.

– В2! – настойчиво бубнил Коля.

Леша скосил взгляд на игровое поле:

– Мимо.

– ...Лучшие умы нашей страны называют произошедшее величайшей геополитической катастрофой! – патетически воскликнул Валентин Иванович и гордо вздернул голову с уже заметной проплешиной на макушке. – И это не пустые слова!

Леша поморщился и с легким удивлением посмотрел на лектора. Почему-то сейчас ему бросилось в глаза все то, на что он раньше не обращал внимания: обвисшие на коленках потертые брюки и рубашка с оторванной пуговицей, натянутая на выпирающем животе, помятый серый пиджак, синеватый отлив щек и слегка дрожащие руки.

– Растерянность и опустошенность, особенно среди мужской части этого поколения, – распался Валентин Иванович, – привела к эскапизму и безысходности. Два развода, бутылка пива вечером, игры в танчики и увлечение фэнтези – вот картина жизни среднестатистического российского икса. Задумывался ли кто-нибудь, почему в нашей стране стали так популярны «попаданцы»? Откуда эта навязчивая идея изменить прошлое страны или всего мира? Этот жанр – отличный пример сублимации психологических комплексов коллективного бессознательного целого поколения! Поколения потерянного и потерявшегося. Вот я, например, недавно прочел фантастический роман, в котором...

Алексей почувствовал необъяснимое возмущение. Он подумал о своем отце, который как раз являлся представителем этого поколения. Всемирно известный физик, один из самых молодых академиков в стране, он никогда не искал оправданий в своем детстве. Хотя часто рассказывал Леше о тех временах: дефицит, перестройка, полное отсутствие законов, но вместе с тем и полная свобода, пугающая своей тотальной безграничностью.

Леша почему-то вспомнил, как отец, жмурясь от отголосков пережитого в детстве восторга, рассказывал, как недалеко от дома открылся книжный магазин. А раньше за книгами приходилось месяцами и даже годами охотиться, стоять в очередях, сдавать макулатуру... Все это звучало дико и нелепо, ведь сейчас книжное изобилие было доступно в интернете в несколько кликов и никому особо не нужно... Разве можно равнять всех людей одного поколения? Каждый идет своей дорогой, каждый создает себя сам. От этих размышлений Леше стало грустно и неловко.

Он вздохнул, посмотрел на Колю, который ждал его выстрела, и прошептал:

– Сдаюсь.

Лекция закончилась. Все вскочили с мест, зашумели, убирая учебники. Леша неторопливо засовывал тетради в рюкзак, обдумывая, у кого бы одолжить конспект.

Тут раздался звонок.

Взглянув на высветившийся номер, Алексей радостно сказал:

– Привет, пап!

– Здравствуй, Леша.

Голос отца звучал неожиданно серьезно. Вообще-то, он был веселым человеком. Таким тоном отец говорил с Лешей только два раза в жизни. Когда Леша умудрился заблудиться в лесу и больше суток бродил по тайге, и когда сказал отцу, что не пойдет учиться на физфак.
– Что-то с мамой? – Леша затаил дыхание.

– Что? – отец растерялся. – Нет, с мамой все в порядке... – он умолк на несколько секунд. Алексей облегченно вздохнул. Раз с мамой все в порядке, отец не может сообщить ничего страшного.

– Леша, – наконец сказал отец, – ты должен срочно прилететь в Москву.

3

Салон самолета был заполнен людьми. Леша огляделся в поисках свободного места. Пассажиры оживленно переговаривались. Очевидно, все здесь знали друг друга. Впрочем, на то и спецрейс, чтобы возить специальных пассажиров. Вот только Леша чувствовал себя здесь не в своей тарелке.

Не заняты были только два места. Первое – рядом с активно жестикулирующим молодым человеком, который, свесившись через спинку кресла, что-то втолковывал сидящим сзади женщинам. Второе – рядом с солидного вида мужчиной. Казалось, он был единственным, кто не вовлечен в шумную дискуссию. Конечно, Леша предпочел спокойного соседа, тем более что свободное место было у окна.

– Разрешите?

Мужчина с удивлением посмотрел на него, но все-таки поднялся:

– Пожалуйста, проходите.

Алексей благодарно кивнул и протиснулся к окошку. У него, наверное, уже в сотый раз за день запиликал мобильник.

– Ну что, успел?

– Да, пап. Все нормально. Как прилечу – позвоню.

– Хорошо, буду ждать.

Леша спрятал телефон и с неудовольствием обнаружил, что сосед с интересом его рассматривает. Хмуро взглянув на него в ответ, Алексей отвернулся и уставился в окно. Однако пока смотреть можно было разве что на бетонную полосу. Снова оглядев салон, Леша обнаружил, что многие бросают на него любопытные взгляды. Он вздохнул, достал смартфон и стал листать френдленту инстаграма.

Наконец зажглось табло «Пристегните ремни» и по проходу пробежал взлохмаченный помощник пилота, осматривая пассажиров. Стюардесс почему-то не было. Во время взлета гомон утих, но, когда самолет набрал высоту, разговоры возобновились с новой силой.

Не выдержал и Лешин сосед:

– Простите, молодой человек, я запомнил. Вы из какого института?

Алексей удивленно посмотрел на него. Странные вопросы.

– ФИНЭК, – коротко и немного резко ответил он и отвернулся.

– Эх, никак не могу запомнить эти новые аббревиатуры. ФИНЭК – это физико... физико... – он забарабанил пальцами по подлокотнику.

– ФИНЭК – это бывший финансово-экономический. Теперь государственный экономический университет, – с упреком сказал Леша приставучему соседу.

– Экономический? – изумленно переспросил тот. – А я и думаю, почему не видел вас раньше? Но позвольте...

Не договорив, сосед растерянно пригладил волосы и огляделся, словно ища поддержки. Наконец его осенила догадка, и, толкнув Алексея локтем и пробасив: «Пардон», – он открыл свой портфель и вытащил какой-то список. Затем, вновь толкнув Алексея, достал из портфеля очки, нацепил их на нос и погрузился в изучение бумаг. Не удовлетворившись содержанием списков, он с еще большим любопытством взглянул на Лешу. Потом хлопнул себя по лбу и извлек из кармана мятый исписанный листок.

– Ага, – выдохнул он. – Вы, вероятно, Деев Алексей Сергеевич?

Леша устало кивнул.

– Очень приятно познакомиться, – мужчина примиряюще улыбнулся. – Простите мою назойливость, просто я в некоторой степени тут ответственный и был немного удивлен... – он выразительно развел руками.

Леша снова кивнул, давая понять, что инцидент исчерпан.

Сосед спохватился:

– Прошу прощения, я не представился. Юрий Михайлович Семяцкий. Просто меня здесь все знают... – словно оправдываясь, добавил он. – А академик Деев Сергей Владимирович, если не ошибаюсь, ваш батюшка? Передавайте ему мое почтение.

На несколько минут воцарилось молчание. Юрий Михайлович изредка поглядывал на Лешу и становился все мрачнее.

В конце концов он снова спросил:

– Простите, если не секрет, ваш отец сказал, зачем вы летите в Москву?

– Нет.

– Но вы, быть может, догадываетесь?

Леша искренне пожал плечами.

– Совершенно не представляю.

– А как вы думаете... – Юрий Михайлович замялся, не решаясь продолжить, но многозначительно огляделся.

Конечно, наблюдая за окружающими и прислушиваясь к разговорам, Леша уже сделал определенные выводы.

– Солнце? – тихо спросил он.

Сосед обреченно кивнул:

– Да, наружная температура солнца упала уже на четыре процента. Боюсь... – Семяцкий выразительно посмотрел на Лешу. – Ситуация еще хуже, чем я думаю, раз ваш отец вызвал вас в Москву. Большинство сотрудников нашего Университета отправили в столицу спецрейсом.

Леша затаил дыхание:

– И что нас ждет? Новый ледниковый период?

– В лучшем случае... – грустно усмехнулся Юрий Михайлович.

4

– Это агрессия, – голос отца был так спокоен, что Алексея окатил ледяной ужас. Он с деланным недоверием посмотрел на отца, но уже понял, что это конец.

– Агрессия? – переспросил он дрогнувшим голосом.

Отец кивнул.

– Подозрение возникло три дня назад и у нас, и у американцев. А вчера вечером мы получили однозначные доказательства. На стационарной орбите НАСА засекли мощнейший источник нейтронного излучения на расстоянии около семи миллионов километров от солнца. А с МКС удалось их сфотографировать. Засветились они на фоне солнца. Ублюдки!

Он протянул Леше несколько распечаток:

– Вот, эта маленькая точка.

Алексей растерянно повертел в руках кроваво-красные снимки, испещренные символами и цифрами, и отложил их в сторону.

– А контакт установить пытались?

С жалостью взглянув на Алексея, отец медленно проговорил:

– Это агрессия, Леша. Агрессия! У них только одна цель – уничтожить!

– Уничтожить?

– Это излучение замедляет процесс термоядерного синтеза. Гравитация все сильнее сжимает солнечное ядро. Критический порог будет пройден в ближайшие дни. По некоторым расчетам – уже пройден... Через месяц, максимум полтора, наше солнце ожидает коллапс, а затем яркая вспышка, которая уничтожит нашу планету... – отец замолчал.

Леша обхватил голову руками. Ему стало жутко.

Наконец он нашел в себе силы прошептать:

– Неужели все зря? Неужели все, что пережили люди, бессмысленно? – и растерянно добавил: – А как же мама?

Удивительно, но кроме страха, отчаяния и тоски он чувствовал обиду. Какую-то детскую обиду, что все закончится именно так. Не ядерная война, не эпидемия, не глобальное потепление и даже не гигантский метеорит. Почему-то казалось, что случись с человечеством какая-нибудь подобная катастрофа, можно было бы что-то изменить. Ведь люди уже многого достигли: остановили гонку вооружений, справлялись с болезнями, заботились о природе, следили за всеми крупными астероидами в Солнечной системе... У человечества было будущее. Но это будущее отобрали – подло, исподтишка.

– Можно что-то сделать? – спросил Леша с робкой надеждой.

Отец пожал плечами:

– Вроде бы разрабатывают несколько проектов. Есть вариант отправить микроорганизмы на Марс, Ганимед или Европу. Я видел перечень рекомендованных штаммов, подготовленный Микробиологическим центром РАН, но сомневаюсь, что они успеют. Другая идея – опустить капсулы с бактериями и вирусами в самые глубокие скважины. Еще я слышал, что в каких-то пещерах пытаются оборудовать автономный поселок. Но это полная ерунда! Их сотрет в порошок тектоническая активность! Да и не смогут они продержаться в своих пещерах пару миллиардов лет, пока не восстановится атмосфера. Если она вообще восстановится... Можно отправить информационные закладки в несколько точек Лагранжа в Солнечной системе. Последняя библиотека человеческой культуры... Но с учетом предстоящего коллапса Солнца тяжело считать их миграцию...

Стук в дверь оборвал рассказ отца. Кто-то вошел в номер.

Алексей, потерянный и опустошенный, не сразу взглянул на гостя.

– Здравствуй, Леша.

Перед Алексеем стоял папин старый университетский друг Леонид Васильевич Максимов. Его лицо озаряла улыбка. Очень грустная и слабая, но улыбка.

– Здравствуйте, дядя Леня, – пробормотал Алексей.

Дневник последнего человека

День 1. Конец или вновь начало?

Есть занятия, спасительные в минуту душевной невзгоды. Ведение дневника – одно из таких. Наверное, поэтому, впервые в жизни я взялся за это бессмысленное и безнадежное дело. Мне страшно... Мне очень-очень страшно и тяжело. И, похоже, что этот дневник – последний из моих «подвигов». Но никто и никогда его не прочтет. Быть может, это и хорошо...

Когда узнаешь, что твой мир обречен... то... блин, не знаю. Не могу подобрать слов. Не могу даже думать об этом. Но то, что рассказали отец с дядей Леней... в это невозможно поверить! Но что еще остается?

Не знаю, что написать. Не понимаю даже, зачем я это пишу. Если бы у нас могли остаться потомки... далекие потомки, которые через сотни или тысячи лет нашли бы этот дневник и смогли восстановить ход событий... Но эти сволочи лишили нас и этого. «Чужие» отняли даже призрачный шанс на память о нас. И теперь есть лишь надежда на то, что

задумали дядя Леня с отцом. А мне остается быть безмолвной тенью, наблюдателем и летописцем последних дней человечества.

Все. Пора спать. Очень жалею, что так и не дождусь выхода седьмого «Ведьмака».

День 4. Подготовка

Итак, я оказался невольным свидетелем проекта, который можно назвать последним шансом человечества. Если бы не отец, я бы никогда не узнал всего этого. Нам, людям, осталось всего несколько недель, и отец потребовал, чтобы я провел их вместе с ним и мамой. Наверное, мне повезло, что отец имеет возможность требовать подобного. Так как без моего отца у человечества не было бы даже такой иллюзии спасения.

Всего несколько недель... Как распорядиться ими?

По мнению большинства писателей прошлого, фантазировавших об этом, на краю гибели мир погрязнет в разврате и сластолюбии. Якобы люди последние дни накануне апокалипсиса потратят на то, чтобы наверстать упущенное. Испытать в полной мере все виды наслаждения, доступные человеческой природе, от чего раньше их удерживала совесть... Или Уголовный кодекс. Честно говоря, эта идея мне всегда казалась сомнительной. Уж очень она унижительна и пошла. Хочется верить, что большинство людей выше подобных мерзостей и способно сохранить достоинство и человечность до последнего вздоха, даже перед лицом неизбежной смерти. Что ж... У всех нас очень скоро будет возможность узнать, насколько сильно я заблуждаюсь.

Впрочем, мне грех жаловаться. Судьба дала мне возможность стать свидетелем уникального эксперимента, который, быть может, подарит человечеству шанс на выживание. Но, к сожалению, это будет иное, неведомое человечество, рожденное в другом варианте нашей Вселенной.

Мне повезло: я смогу увидеть, как люди до конца выполняют свой долг и сражаются до последнего вздоха. Боюсь, что иначе я бы просто сошел с ума от бессилия и несправедливости... Это наверняка будет очень интересно: стать свидетелем одного из величайших научных экспериментов в истории человечества. Но сейчас мне слишком страшно и тяжело даже думать об этом.

Все пытаюсь найти силы и смелость позвонить Кате... Сколько мы уже не общались? Почти полгода. Не знаю, кто виноват, что у нас так ничего и не вышло... Хотя, честно говоря, мы оба не были настроены на серьезные отношения. Я ни разу не сказал ей, что люблю, причем, как и она... Все это время я почти не вспоминал ее. А теперь... Чувствую, что нужно ей позвонить и что-то сказать. Хотя бы попрощаться... Но кажется, что это будет просто дежурный звонок чужому человеку. Стать друг для друга «своими» у нас так и не вышло. Может быть, это и хорошо? Раньше мне всегда казалось, что где-то в мире есть та единственная, которая сможет сделать меня счастливым, а теперь я думаю, как хорошо, что я так и не встретил такую девушку...

Катя О.

День 6. Выбор исполнителя

По городу ползают всякие слухи. Странности с солнцем уже начинают проявляться. Пока власти пытаются убедить всех, что это временное явление. Не знаю, как долго они смогут врать.

Но при всем ужасе сложившейся ситуации нельзя не признать ошеломительный и завораживающий масштаб того эксперимента, невольным наблюдателем которого я стал. Путешествие во времени с целью изменить историю и ускорить развитие человечества...

Честно говоря, мне кажется, что это совершенно нереальная и утопичная идея. И, конечно, самое сложное – найти исполнителя. С одной стороны, это должен быть относительно молодой человек, потому что каждый дополнительный год жизни даст возможность существенно ускорить прогресс и изменить будущее. А с другой стороны, прогрессор (назовем его так) должен обладать острым умом, огромной силой духа, энергией и волей к победе. И, надо признать, Макс близок к этому идеалу.

Мы познакомились пару дней назад. Вечно хмурый и немногословный, Макс обладает отличной физической подготовкой. Похоже, выходец из каких-то спецслужб, которые курируют научную лабораторию отца. Пообщавшись с ним, я понял, что он отлично образован.

Впрочем, о Максе у меня сложилось двоякое впечатление. Он, бесспорно, умен и решителен, но все же что-то в нем меня смущает. Эта холодная, жесткая уверенность. Возможно, будущий мессия и должен быть таким: решительным и беспощадным, с горячим сердцем, холодным разумом и чистыми руками (ведь руки часто придется умыть от запекшейся крови). Но часто, когда я думаю о том, какое будущее ждет альтернативное человечество, мне становится не по себе.

Почти все время я болтаюсь в лаборатории, и мне кажется, что Макс, при всей его напускной уверенности, страшно и одиноко. Ему хочется хоть с кем-то поговорить, но все заняты работой над проектом. Все, кроме меня. И, как ни странно, мы проводим с ним много времени, я помогаю в подборке материалов, их анализе. Мы даже обсуждаем возможную стратегию ускорения прогресса... Но от мыслей и идей Макса мне порой становится не по себе. Макс всего на семь лет старше меня, но мне иногда кажется, что мы люди разных эпох. У него есть опыт, кровавый опыт...

Мы не знаем, в какое время попадет Макс, но, видимо, это будет период расцвета Римской империи. Не самая дружелюбная эпоха... Хотя разве в древности были другие? Если кратко, то план Макса основан на силовой компоненте. Прогрессор должен как можно быстрее внедрить огнестрел и захватить максимально возможную территорию, внедрив жесткую централизованную систему управления.

Подобный подход кажется мне не совсем верным. Боюсь, государство, построенное на огнестреле и вертикали власти, ждет судьба империи Александра Македонского: с гибелью прогрессора все рассыплется как картонный домик. Очевидно, что одних технологий и жесткой системы управления мало. Нужно менять образ мыслей людей. Но в каком направлении необходимо вести общество и как вообще сдвинуть его, преодолев социальную инерцию, обычаи и предрассудки, – совершенно непонятно. Да, говорят, что война порождает новые технологии, но очевидно, что милитаризованное общество неизбежно начинает стагнировать в научном и культурном плане. Как, например, древняя Спарта или империя Чингисхана. Когда у таких обществ заканчиваются достойные соперники, пропадает и стимул искать новые технологии. А генералы, как известно, всегда сражаются на прошедшей войне.

Мне очень страшно умирать, но все же я рад, что все эти опасения меня не касаются. Я могу наблюдать со стороны, болтать с отцом и дядей Леней, проводить вечера с мамой и даже общаться с будущим мессией. Не самый плохой конец...

День 7. Экономика

Сегодня ознакомился со списком книг, перенесенных на микроленку. Для подстраховки было решено собрать три одинаковых набора. Триста учебников: физика, математика, химия, геология, минералогия, медицина... Бесценные знания. Надеюсь, Макс, удастся их использовать. Удивительно, несмотря на огромное число книг, это всего лишь капля в море человеческих знаний. Как возможно освоить все это? Не представляю...

Но самым странным для меня оказалось то, что среди отобранных книг нет учебника по экономике. Похоже, что все участники проекта не считают экономику «серьезной» наукой. Я давно заметил, что многие, даже образованные люди не совсем понимают, что это за наука – экономика. Обычно думают, что это что-то связанное с деньгами. Я и сам так думал, пока не начал ее изучать. Хотя современная экономика, как наука, имеет весьма косвенное отношение к деньгам. Современная экономика всего-навсего изучает вопрос о том, как люди принимают решения в условиях ограниченных ресурсов. А деньги лишь один из вспомогательных инструментов, облегчающих принятие таких решений.

Хм... Принятие решений в условиях ограниченных ресурсов – именно этим прогрессору и предстоит заниматься.

Забавно, что одно из открытий современных экономистов заключается в том, что далеко не всегда решения людей основываются на рациональном выборе.

Интересно, а в таком вопросе, как выбор прогрессора, который определит будущее альтернативного человечества, возможен рациональный выбор? И на чем будут основаны решения самого прогрессора? На разуме? На рациональной оценке ситуации? Или на неизбежных когнитивных искажениях? А может быть, на альтруизме и помощи людям? Как научиться любить людей? Или будущий мессия не имеет права на любовь и на сомнения? Хорошо, что все это меня не касается.

День 12. Сборы

Наконец нашел мужество позвонить Кате. Она удивилась моему звонку, но постаралась это скрыть. Как я понял из ее намеков и оговорок, у нее новый молодой человек. Я бы, наверное, даже смог порадоваться за нее, если бы... Если бы не знал, что все очень скоро закончится.

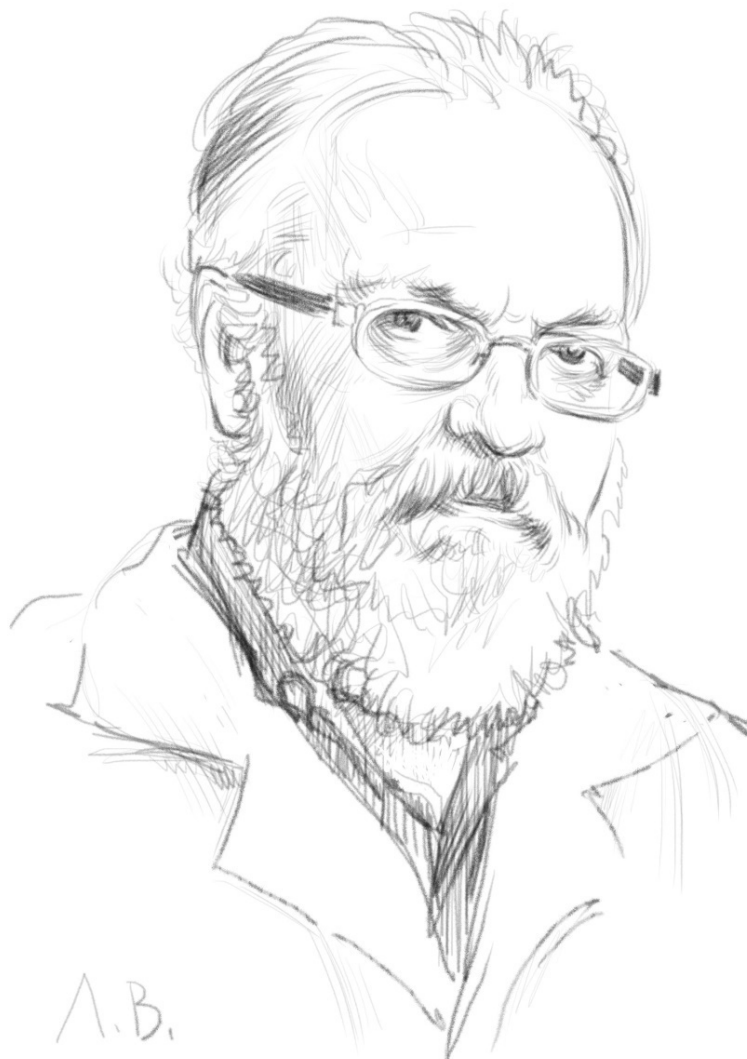
Продолжается подготовка прогрессора. Сейчас все обсуждают экипировку и снаряжение. К сожалению, Макс не сможет взять с собой изделия из металла. Как я понял, в металлах, в процессе переброски, возможно появление вторичного излучения. Максимум, на который согласились отец с дядей Леней, – три планшета на солнечных батареях. Вероятность, что они останутся в рабочем состоянии после переброски, невысока. Но если хотя бы один планшет будет работать, это станет огромным подспорьем для прогрессора. Так что принято решение рискнуть.

Также Макс возьмет с собой набор семян разных растений. Оказывается, картошку тоже можно выращивать из семян! Составили большой список, теперь думаем, где взять качественный посевной материал. Вроде бы кураторы Макса обещали решить этот вопрос через сельхозакадемию РАН.

День 15. Физики и лирики

Сегодня в лаборатории у меня появилась возможность обсудить с дядей Леней теоретическую основу всего этого предприятия.

Дядя Леня сказал, что переброска Макса – это не просто отчаянная попытка спасти человечество, это еще и научный эксперимент. Параметры которого, кстати, уже вторую неделю рассчитывает суперкомпьютер МГУ. (Физикам сейчас дан высший приоритет на использование суперкомпьютерного времени).

Леонид Васильевич

Отец с дядей Леней уверены, что успешная переброска подтвердит концепцию мульти-мировой интерпретации Вселенной, над экспериментальной проверкой которой они работали уже много лет. Перемещение прогрессора будет не в прямом смысле отправкой в прошлое, Макса отправят во Вселенную, которая отпочкуется от нашей линии времени примерно две тысячи лет назад.

Вообще, если вдуматься, то мультивмировая интерпретация Вселенной – очень странная штука. Если я правильно понял ее суть, то в рамках ландшафта (набора всевозможных состояний фундаментальных физических постоянных) существует еще и набор всех возможных состояний нашей Вселенной. Оказывается, что число вариантов вселенной велико, но не бесконечно. И это тот момент теории, который кажется мне наиболее странным, спорным и сомнительным. Ведь если существуют все возможные состояния вселенной, значит, времени не существует. Конечно, это странное утверждение для человека, который лично наблюдает за созданием машины времени. Тем не менее это очевидный вывод, который следует из мультивмировой интерпретации. Получается, что все возможные состояния вселенной существуют вне времени, а время – лишь свойство нашего разума обнаруживать себя внутри последовательно связанных цепочек вселенных.

Блин... Ну и написал... Сам не могу понять что...

Получается, что если все возможные вселенные существуют, то где-то вне времени существуют вселенные, где Макс отправляется в прошлое. Причем этих вселенных очень много, и перемещение прогрессора – это лишь натягивание нити, которая свяжет наш мир с тем невозможным набором вселенных, которые в результате и станут возможными и реальными, по крайней мере для Макса.

У этого рассуждения есть крайне забавный положительный вывод. Отправка Макса в прошлое породит не одну Вселенную, а целую ветвь. В некоторых он потерпит неудачу, но хотя бы в каких-то ему обязательно повезет. Хотя... если развивать эту логику, то можно прийти уж к совсем странным выводам.

Ведь тогда вовсе не обязательно отправляться именно Макс, можно отправить любого человека. В каких-то вселенных все равно все сложится удачно...

Задал этот вопрос дяде Лене, он в ответ хмыкнул и спросил меня, можно ли сравнивать бесконечности? Что больше – сумма бесконечности множества натуральных чисел или сумма бесконечности множества четных чисел? Я даже обиделся. Уж такие простые вещи даже мы на вышке изучали. Все знают, что бесконечности сравнивают по мощности. Впрочем, я догадался, что где-то здесь и кроется ответ на мой вопрос. По логике, именно личность прогрессора и определяет мощность бесконечности нового набора вселенных... Или тут нужно решать через пределы функции отношения бесконечностей успеха и провала?..

Все, хватит! Ничего не понимаю... Уже глубокая ночь, и пора ложиться спать. Подумаю об этом на свежую голову...

Ясно лишь одно. Где бы (точнее, когда бы) ни оказался прогрессор, ему придется стараться изо всех сил и прикладывать максимум усилий, чтобы невозможность альтернативной Вселенной укоренилась в новой реальности. Но смерть будет неизбежным финалом этих попыток...

День 20. Последние новости

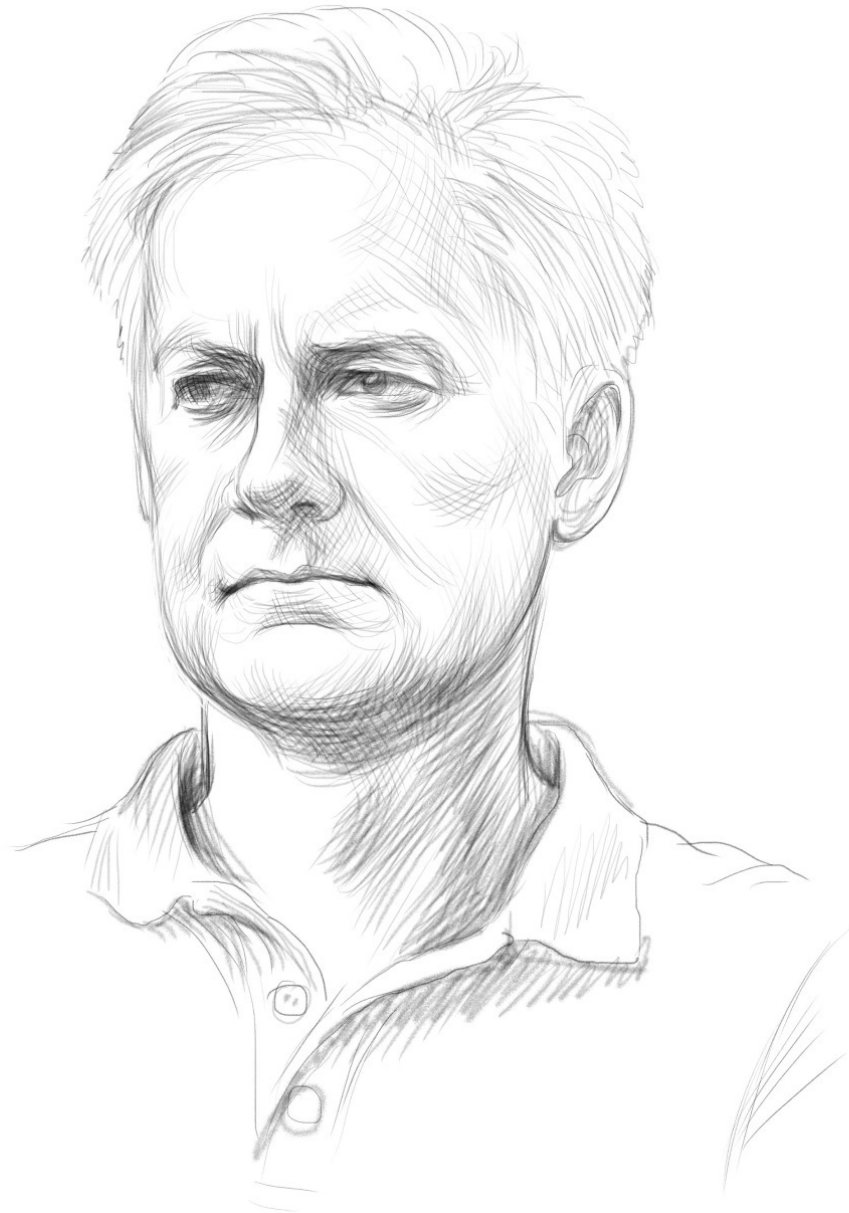
Вот и все. Все эти дни политики хранили единодушное молчание. Интернет пестрил разными слухами и откровениями, тысячи экспертов находили все новое и новое объяснение странному поведению солнца, которое теперь уже очевидно всем. Но СМИ долго и упорно опровергали все эти «домыслы». Первыми не выдержали скандинавские политики. Вчера Президент Финляндии сделал публичное заявление, а потом началась цепная реакция...

Честно говоря, я опасался, что после того как люди поймут, что их ждет, наступит катастрофа, хаос. Но пока все нормально. Сейчас страны одна за другой объявляют о полном открытии границ и запуске бесплатного транспорта, чтобы все могли встретиться с родными и провести вместе последние дни.

Никто не может точно сказать, сколько еще осталось, но ясно, что счет идет на дни. Модель, рассчитанная нашими физиками, показывает, что критическое сжатие солнца, после которого вспышка станет убийственной для планеты, случится через десять дней. Вряд ли «чужие» будут ждать дольше...

У нас почти все готово. Отец с дядей Леней обсудили ситуацию и решили ускорить проект. Если ничего не помешает, Макса отправят послезавтра. Последние дни он на взводе. Стал очень подозрительным, а в лаборатории появилась вооруженная охрана. Вчера они не хотели пускать меня, но отец просто вышел из лаборатории и пошел домой. Через час позвонили и извинились. Без отца они никогда не смогут правильно настроить оборудование и запустить процесс.

А вечером позвонила Катя, и мы по-настоящему попрощались. Это было тяжело...

Отец
День 22. Прощание

Макса отправляют сегодня ночью. Вечером запланирован небольшой прощальный ужин. До сих пор не могу поверить, что все это реально. Что очень скоро наш мир исчезнет навсегда.

По телевизору сегодня показывали общероссийский молебен. Я всегда был атеистом, причем некрещеным, и мне особенно тяжело ощутить сопричастность к подобным обрядам. Но когда я смотрел службу, губы сами невольно шептали слова:

«Господи, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

...Прошу тебя, чтобы все, что пережилось наше человечество, все страдания, муки и жертвы людей, были не напрасны. Аминь!»

5

По полутемному коридору струились клубы сизого дыма. Пол был усеян осколками лопнувших люминесцентных светильников, свисавших с потолка. Несколько уцелевших ламп нервно пощелкивали и мерцали, озаряя коридор тревожными всполохами.

Алексей, вжавшись в неглубокую нишу, торопливо пытался соорудить жгут, чтобы остановить кровь, ручьем бегущую из плеча Макса. Но тот, не обращая внимания на рану, выцеливал дальний конец коридора, где за углом прятались бойцы изрядно потрепанной штурмовой группы.

– Перепенко! – раздалось из-за угла. – Вова, не сходи с ума! У вас нет шансов!

Макс, стиснув зубы, покосился на бездыханное тело у противоположной стены.

– Вы идиоты! – хрипло закричал он. – Вы понимаете, что делаете!? Лишаете человечество последнего шанса!

– Хаа... – из-за угла донесся лающий смех. – Максимка собственной персоной! Еще и хочет учить меня жизни... Это ты полный идиот! Мы не лишаем человечество шанса, а даем его! Думаешь, я не знаю, почему для отправки выбрали такого придурка, как ты? А? Папуля похлопотал?... Будь мужиком! Выходи, поговорим.

Макс нервно покосился на Алексея и крикнул:

– Ну расскажи, кого хотите отправить вы?

– Ты его не знаешь...

– Хотя бы скажи, кто он и откуда.

– Он из первого отдела, – нехотя прохрипел собеседник. – Из «Омеги».

Максим фыркнул:

– Эти мудаки из «Омеги»? Которые травили банкиров и отжимали их имущество? Да я лучше сдохну, чем доверю судьбу человечества таким уродам!

– Твою ж мать, Максимка! Уж кто бы говорил? Не интересовался у папаши, откуда у простого генерала домик на Рублевке?

– Это дом моего дяди! И он не имеет отношения к делу!

– Да, ты совсем идиот...

Ненадолго повисла тишина.

Наконец из-за угла крикнули:

– Все! Хватит! Считаю до трех. Или ты выходишь, или будешь умирать долго и мучительно! Все, что обо мне рассказывают, – правда!

Макс болезненно скривился, когда Леша наконец сумел затянуть жгут, и повернулся к нему.

– Раз! – донеслось из-за угла.

Оскалившись в недоброй ухмылке, Макс осторожно вытащил гранату и, крепко сжав ее в дрожащей ладони, протянул Леше.

– Помоги... – тихо прошептал он.

– Два!

Трясущимися пальцами Леша вытащил предохранительную чеку.

– Три!

– Стойте! Я выхожу! – крикнул Макс и пнул коленом лежащий на полу автомат. Тот прокатился по стеклянному крошеву и застыл в центре коридора.

Неловко улыбнувшись Алексею, Макс многозначительно кивнул в сторону входа в лабораторию и, подняв над головой здоровую руку с зажатой гранатой, прихрамывая, пошел вперед, хрустя битым стеклом.

Из-за угла показались два автоматных ствола. Затем кто-то осторожно выглянул.

– А... Молодец, Максимка! – насмешливо сказал майор, беря его на мушку.

Леша не успел ничего сообразить. Раздался выстрел, и в голову Макса смачно вошла пуля. Бездыханное тело рухнуло на пол. Со щелчком отлетел рычаг, и граната покатила за угол.

– Твою ж мать!!!

Леша зажмурился. Грохот ударил по барабанным перепонкам. Алексей вскочил и бросился ко входу в лабораторию.

Глава 2

1

Никогда в своей жизни Леша не видел таких ярких и близких звезд. Казалось, что он падает в небо, что у него не осталось тела... Ужасно испугавшись, Леша сделал огромное усилие и повернул голову. Плечо видно, значит, тело на месте... Шумно выдохнув, он попытался поднять руку, и сознание провалилось в темноту.

Когда Леша очнулся, солнце стояло в зените. Оно было не красное, но пронзительно яркое и слепило глаза. Лешу трясло. Сознание отказывалось принимать случившееся.

Собрав все силы, он попробовал пошевелиться – тело неохотно послушалось. Сдерживая стон, Леша приподнялся и сел. Огляделся.

Дремучий первобытный лес мрачной стеной стоял вокруг. В радиусе десяти метров верхний слой почвы был ровно срезан вместе с растительностью. Из земли сочилась холодная влага. Кое-где образовались черные лужицы.

Рядом стоял рюкзак. Дрожащими руками Леша подтянул его и заглянул внутрь. Нож, топорик и арбалет из пласткерамики, запаянная в пластик микропленка. Нужно было тщательно изучить содержимое рюкзака, но сил не было.

Он зажмурился, вспоминая последние секунды на той, уже навсегда исчезнувшей Земле. Забаррикадированная, сотрясаемая от ритмичных ударов дверь. Низкое гудение высоковольтных трансформаторов, безнадежное отчаяние в глазах каждого участника проекта. И срывающийся хриплый голос отца: «Быстрее! Быстрее!»

В тот момент у Леша не было ни секунды для размышлений. Лишь сейчас, сидя на черной холодной земле, он начал медленно осознавать произошедшее. Леша повалился на землю и зарыдал. Его душили слезы. Они текли по щекам и капали на влажную землю. Он пытался остановиться, но не мог... Страх, чувство одиночества и отчаяние переполняли его. Это не был его выбор и его решение.

Гигантская, безумная ответственность внезапно навалилась, парализуя волю, сдавливая грудь. Словно он оказался на дне величайшего океана, и теперь огромная масса сплющит, размажет его, превращая в ничто, чем он по-настоящему и является... Как можно противостоять этому давлению, где найти силы сделать очередной вдох?

Леша прикусил губу, ощутив солоноватый вкус крови. Старый мир исчез в небытии бесконечного. Бессмысленно рассчитывать на чью-то помощь и поддержку. У него остается лишь долг. Долг перед отцом, перед мамой, перед Катей. Долг перед людьми. Перед миллиардами людей, которые жили и верили в будущее.

Почему эта ответственность пала на него? Игра случая? Безумная человеческая злоба или гордыня? Воля неведомых сил... Теперь это уже не важно. Ничего теперь не важно. Нужно просто собрать волю в кулак, подняться и сделать первый шаг навстречу неизвестности.

2

Наконец Алексей полностью пришел в себя. Солнце уже клонилось к закату. В голове была пустота. Неприятный металлический привкус во рту заставил облизать губы, нужно найти воду. Очень хотелось снова закрыть глаза и не шевелиться... никогда. Но что-то в глубине души не позволяло больше лежать. Что-то гнало вперед. Леша физически ощущал каждую уходящую секунду и понимал, что второго шанса у него и у человечества не будет.

Он заставил себя встать, потом подпрыгнул, сделал пару шагов, наклонился, присел – в спине что-то привычно хрустнуло. Нужно идти. Что ждет его в этом путешествии? Страх скользкой лапой царапнул внутри. Главное – не паниковать!

С настороженным интересом Леша обвел глазами стену деревьев вокруг. На ветках зеленели листья. На первый взгляд – обычный хвойно-лиственный лес, типичный для средней европейской полосы. Хотя раньше леса, кажется, спускались к более низким широтам... Алексей сделал глубокий вдох – какой-то неуловимый аромат и ускользящая свежесть подсказывали, что сейчас весна.

Как ни в чем не бывало пели птицы, дятел мерно молотил по березе, шелестела листва и скрипели ветки деревьев. Леша застыл. Вдруг произошел сбой и он попал к динозаврам? Или в палеолит. Вдруг на всей планете нет никого, напоминающего человека? Эта мысль расплзлась внутри, наполняя его ужасом, хотя Леша понимал, что у проекта не хватило бы мощности проникнуть так далеко в прошлое.

Чтобы отогнать страх, он начал действовать. Сорвал с себя спасательный жилет и запихнул его в рюкзак. Срубил и очистил от веток небольшую осинку – получилась неплохая дубинка. Он несколько раз взмахнул палкой, крутанул в руке... И ойкнул, схватившись за лоб. Чертова деревяшка! Выругавшись, он вытащил нож и арбалет, забросил за спину рюкзак, тяжело вздохнул и, стараясь не шуметь, стал углубляться в лес.

Страх понемногу отступил. Но Леша чувствовал, что он только затаился, готовясь выпрыгнуть из глубины сознания и вновь захлестнуть его разум. Неторопливое, размеренное движение успокаивало, и мысли потекли как обычно – логично и последовательно.

Леша зажмурился, вспоминая разработанный для Макса план действий. Задача номер один – найти удобное приметное место и спрятать один из трех научных комплектов: микропленку в вакуумной упаковке и компактный микроскоп-проектор с зеркальной подсветкой. В каждом научном наборе был также планшет на основе электронных чернил с солнечной панелью для подзарядки.

Леша подумал, что следует проверить работоспособность одного из планшетов. Каждый из них содержал по терабайту информации и по десять терабайтных сменных карт памяти. Таким образом, там поместилась огромная библиотека научной и художественной литературы на основных языках планеты, а еще множество чертежей и схем. Планшеты тоже были тщательно упакованы, но Леша решил распечатать один во время ближайшего привала. От сохранности этих устройств во многом зависела стратегия дальнейших действий.

Кроме того, было три десятка кварцевых дисков, на каждом – сто терабайт информации. Но прочесть ее в обозримом будущем не было никакой возможности. Среди распечатанных на микропленке учебников была подробная инструкция по извлечению информации с кварцевых дисков. Но для этого требовались настолько сложные технологии, что Алексей даже не надеялся дожить до этого момента.

Еще в рюкзаке лежали три пакета с набором семян важнейших сельскохозяйственных растений. Все семена были тщательно упакованы и подготовлены к длительному хранению.

Надо сделать тайник, это подарит свободу действий. Информационные пакеты и семена – вторая по значимости вещь после жизни. Их нужно сохранить во что бы то ни стало. После – искать людей и пробираться к городам или же остаться в этом регионе и попытаться стать советником местного царька... Если, конечно, здесь есть люди. Алексея снова окатило ледяной волной ужаса.

Есть ли у него хоть какие-то шансы? Может, как только ход истории начнет меняться, Леша исчезнет? Хотя Леонид Васильевич был уверен в осуществимости этого безумного плана. Уже самим фактом своего появления в этом мире Алексей изменил его. Скорее всего, в чем-то эта Вселенная уже отклонилась от прежнего сценария. Может быть, учебники истории, записанные на микропленку, уже потеряли актуальность и с каждой секундой, с каждым Лешиним вдохом, с каждым убитым комаром и раздавленным муравьем этот новый мир сдвигается все дальше от предначертанного пути? К сожалению, никто не знал этого определенно, даже Леонид Васильевич...

Лешу опять охватило отчаяние, и он ускорил шаг. По крайней мере, он не у динозавров: в мезозое фауна и флора были другие. Хорошо бы еще обойтись без мамонтов, пещерных медведей и саблезубых тигров.

Сумерки окутывали землю. К счастью, Алексей набрел на ручей. Вода тонкой струйкой просачивалась через многоступенчатый фильтр, медленно наполняя флягу. Леша сделал несколько жадных глотков и стал искать высокое дерево. Начало ночи – лучшее время, чтобы попытаться найти людей.

Береза, раскинувшая ветви над водой, показалась ему подходящей. Он начал осторожно карабкаться на дерево. Ствол покачивался на ветру. Хрустнула сухая ветка, и Леша обхватил ствол, пытаясь удержаться. Переведя дух, глянул вниз: что будет, если он упадет? Почему-то представил себя лежащим на земле со сломанной ногой или спиной, и ему стало жутко. Сердце колотилось. Он глубоко задышал, пытаясь успокоиться. Бросив для очистки совести короткий взгляд на окрестности, Леша медленно полез вниз.

От волнения дико захотелось есть. Леша вытянул из рюкзака протеиновый батончик и с жадностью разорвал обертку. Впился зубами. На языке таял шоколад, смешанный с орехами. Вдруг Леша осознал, что все, что у него осталось от привычного, комфортного, но навсегда угасшего мира, – этот вкус. Скоро у него закончатся запасы, и он уже никогда не испытает ничего подобного.

Леша бережно собрал крошки, упавшие на штанины комбинезона, и коснулся их языком. В горле стоял ком. Внезапно поедание батончиков показалось ему чуть ли не кошунством. Он помотал головой, отгоняя наваждение. Нет. Он должен есть. Глупо сентиментальничать над простым шоколадным батончиком. Однако какая-то подспудная, неотвратимая и неизбежная горечь уже отравила его сознание.

Теперь необходимо как можно скорее сделать тайник с информационным пакетом. А чтобы сохранился шанс отыскать его в будущем – сначала выяснить текущее местоположение. Конечно, с достаточной точностью сделать это вряд ли получится, но можно хотя бы попытаться определить текущую широту.

Леша посмотрел на небо. Окончательно стемнело, и высыпали звезды. Облаков почти нет – отлично. Секундный прилив адреналина – сейчас решится, в каком он полушарии. Впрочем, Леша был почти уверен, что очутился к северу от экватора. А вот и Полярная звезда. Может, они прилетели оттуда? Вряд ли. Кажется, эта звезда была каким-то гигантом, так что жизнь рядом с ней маловероятна. Ничего... Мы вас, гадов, все равно отыщем!

Алексей достал из рюкзака секстант и, прищурившись, стал разглядывать люминесцентные метки. Как же пользоваться этой штукой? Кажется, так... Закончив возню с секстантом, Леша записал карандашом цифры на обложке атласа. Но это только начало. Он вспомнил беседы с Максом. Если переброска прошла удачно, то Полярная звезда может оказаться вовсе не Полярной. Леша на ощупь срезал пару прутиков и воткнул их в землю, соединив верхушки в одну линию, ведущую к звезде.

Теперь нужно проверить Кохаб. Вот и он. Хорошо, что в созвездии Малой Медведицы так много полезных звезд... Леша провел измерение и снова записал результат. Еще два прутика, чтобы проверить смещение относительно Кохаба. Так... Сколько прошло времени? Как

минимум полчаса. Он вернулся к прутикам и пригляделся. Черт! Точно! Полярная звезда немного сместилась. А может, он случайно сдвинул какой-нибудь прутик? Леша устало вздохнул. Сколько еще придется сделать таких замеров?

Долготу, к сожалению, так просто не измерить. Выход был только один: найти крупный географический ориентир, например, большую реку. В будущем, когда появится возможность, безопасно извлечь информационную закладку, ее можно будет отыскать, идя вдоль русла реки до требуемой широты.

В теории все казалось просто, но в реальности... Как обеспечить достаточную точность измерений? Как потом найти нужную реку? В голове рождались сотни вопросов. Надо постараться отвлечься и не думать обо всем этом.

Стало ощутимо холодать. Леша достал из рюкзака спальник. Исколов в темноте руки, разложил его под елкой, забрался в холлофайберовый мешок и тут же провалился в тягучее беспокойное забытие.

3

Проснулся он от ледящего душу ужаса. Казалось, это была самая страшная ночь в его жизни. Леша не помнил, что ему снилось, но страх и безотчетная тоска глубоко засели в его душе, и он никак не мог прийти в себя.

Тело ломило. Не было ни свежести, ни сил. Прутики, воткнутые ночью, подрагивали от прохладного утреннего ветерка. Вот, черт возьми! О какой точности можно говорить? И все-таки нужно еще раз провести измерение.

Алексей прислушался: шелест листвы, скрип ветвей и неугомонный птичий пересвист. Что-то упало неподалеку. Он вздрогнул и поднял глаза. Небольшая птица перепорхнула с ветки на ветку. Сердце пронзила отчаянная боль. Неужели и этот лес, и птицы, и бездонное голубое небо – все это обречено?

Леша торопливо разорвал обертку и впился зубами в вязкую сладковатую массу. Почему-то сейчас шоколадный батончик уже не вызвал ностальгии, а лишь раззадорил аппетит. Нет, нужно экономить еду. Леша заел батончик горстью кислицы и достал из рюкзака пакеты с планшетами. Под плотным прозрачным пластиком они выглядели невредимыми. Он попробовал через пластик нажать кнопку включения. Ничего. Похоже, без разгерметизации не обойтись. Если они в рабочем состоянии, это существенно упростит ему жизнь и облегчит определение координат.

Осторожно сняв упаковку с одного из планшетов, Леша надавил кнопку. Пустой экран. Рано впадать в отчаяние. Есть солнечные батареи. Он выбрал освещенный участок земли, аккуратно разложил солнечную панель, соединил ее с планшетом и затаил дыхание. Опять ничего. Тук, тук... – гулко ухнуло в груди. На языке вертелись проклятья. Может, дать устройству время на подзарядку? Он снова проверил контакты и провода. Нажал несколько раз кнопку включения и перезагрузки. Ничего. Ладно. Надо подождать. А пока можно перепроверить ночные измерения.

Итак, общая погрешность в определении широты – в пределах семи градусов. То есть ширина потенциальной полосы поиска в будущем – почти восемьсот километров. Совершенно неприемлемый результат. Ночные наблюдения подтверждали, что Полярная звезда смещается в течение ночи сильнее Кохаба. Похоже, Леша действительно в далеком прошлом. Но насколько далеко?.. Хотя эти хлипкие прутики вряд ли могут выступать в качестве измерительного инструмента. Нужно подготовить крепкие колышки. К счастью, у него есть необходимые инструменты для этого, но сначала нужно проверить планшет. Уже без особой надежды Леша вернулся к оставленному под солнцем устройству. Опять ничего. Растаяла последняя надежда на чудо... Быстро собрав вещи, Леша пошел по течению вдоль ручья.

Солнце все еще пряталось за деревьями. По пути Алексей размышлял, вскрывать ли упаковку со вторым планшетом. Если вскрыть, то без защитного вакуума он не выдержит долгого пребывания в земле, а брать несколько устройств с собой неразумно. Пока он не освоится в новом мире, высока вероятность лишиться всего снаряжения. Тщательно все обдумав, Леша пришел к выводу, что даже работающий планшет сейчас не сильно ему поможет. Разумнее спрятать запечатанные устройства вместе с остальными вещами.

Деревья расступились, и Леша вышел на берег речки. Вот и первый ориентир. Конечно, река невелика и наверняка похожа на сотни других рек в этом регионе. Но все же здесь легче будет найти тайник через несколько месяцев или лет. Особенно, если ему удастся точнее рассчитать широту.

Через несколько часов после заката Леша окончательно убедился, что ни одна из звезд не стоит точно над полюсом. Однако Кохаб действительно смещался гораздо меньше Полярной звезды.

Он засыпал, и в какой-то смутной полудреме перед его глазами все еще стояли хитрые, холодные, недружелюбные звезды, а между ними сновали зловещие корабли «чужих».

4

Была уже вторая половина дня, и солнце начало сползать с небосвода, когда Алексей вышел к долгожданному слиянию рек. Радостно шурясь, он стоял на крутом обрыве, с которого хорошо просматривалась пойма. Река была спокойной и неторопливой, шириной метров семьдесят. Леша облегченно вздохнул. Пятидневная прогулка по лесному бурелому сильно его вымотала.

Он внимательно оглядел русло реки. Линия берегов почти ровная, никаких особенностей. Леша решил еще пройти вниз по течению, чтобы отыскать ярко выраженные элементы рельефа, которые можно различить на его атласе.

Это была довольно наивная идея. Он шел почти два часа, постоянно останавливаясь и зарисовывая берега, но все было бесполезно. У него не было точной привязки к сторонам света. На мелкомасштабном атласе невозможно было определить его местоположение. Точнее, потенциальных мест, с учетом грубого определения широты, оказалось слишком много.

Наконец, он решил вернуться к месту слияния рек. Выбрал холм, с которого просматривалась река, и решил остаться в этом месте до следующего дня. Надо было поставить на холме какую-нибудь метку, но сначала сделать тайник.

...

Земля была жирная и легкая. От нее терпко пахло травой и почему-то молоком. Комья крошились в ладонях. Хорошая земля. Когда-нибудь сюда придут люди, вырубят лес, вспашут эту землю и будут жить, любить, радоваться. Алексей крикнул, тяжело ухнул и опустил на присыпанную яму кусок дерна. Отмел оставшиеся комья земли и посыпал тайник прошлогодними листьями. Вроде незаметно. Огляделся по сторонам, прислушался, затем внимательно посмотрел на огромный, причудливо изогнутый дуб. Усмехнулся. Не хватает только пары мертвецов: одного оставить здесь – сторожить клад, а другого положить на холме, чтоб костлявой рукой указывал направление.

Леша отряхнул комбинезон и хорошенько потянулся. Многочасовая работа утомила. Ломило спину, и ныли разодранные в кровь пальцы. Но на душе стало спокойнее. Мысленно он поставил галочку у пункта «спрятать пакет номер два с микропленкой» и уселся перекусить. Теперь его ничто не удерживало от контакта с местными жителями. Как проще и безопаснее связаться с людьми? Ожидание встречи рождало и страх, и надежду.

Но сначала хорошо бы немного отдохнуть. Все эти дни Алексей пытался подстрелить хоть какую-нибудь дичь, но безуспешно. Обычно он спугивал животных неуклюжими движе-

ниями, наступал на сухие ветки или слишком шелестел травой. Но чаще всего просто боялся выстрелить, опасаясь зря потратить драгоценный арбалетный болт. Разумеется, эти опасения ему не помогли, и два болта затерялись в зарослях. После этого Алексей перестал обращать внимание на птиц и зверей. С рыбалкой было гораздо проще. Жирные лещи и костлявые окуни стали неплохим дополнением к однообразному рациону. Однако рыба казалась слишком пресной. Про соль, к его огромному сожалению, при сборах забыли, про перец и другие приправы даже не вспоминали.

Леша взял рыболовные снасти и спустился к реке. Расставив снасти, прилег на пологом склоне, взглянул в бездонное небо и прикрыл глаза, прислушиваясь к журчанию реки, шелесту листьев и жужжанию неутомимых шмелей. Незаметно для себя он задремал.

Эта безмятежность чуть не погубила его. Он не сумел вовремя заметить челнок. Чей-то удивленный возглас заставил его очнуться. Леша вскочил и увидел метрах в десяти лодку с тремя бородачами, рассмотреть которых помешал нахлынувший страх. Не оглядываясь, он подхватил рюкзак и устремился в лес.

Пробежав пару километров, остановился и прислушался. Кажется, погони нет.

Его трясла мелкая дрожь. Избыток адреналина. В боку колело, из груди вырывался тяжелый хрип. Нужно быть осторожнее, гораздо осторожнее... Он чуть было не попался, еще и рыболовные снасти потерял!

Леша сел на влажный мох, прислонился к сосне и в изнеможении закрыл глаза, в который раз задавая себе вопрос: как получилось, что эта безнадежная миссия досталась именно ему?

Ему вспомнился ненароком услышанный разговор отца с дядей Леней, доносящийся с прокуренной кухни:

– Чертовы спецслужбы! Думаешь, они смогут что-то изменить? У нас уже который год безо всяких инопланетян перманентный зомби-апокалипсис! С такой задачей не справится ни один силовик! У них мозги устроены по-другому!

– Ты же сам понимаешь, что в мультивселенной будут реализованы все возможные реальности... И хотя бы одна из миллиардов попыток изменить историю будет успешной.

– Полагаешь, что в таком случае можно отправить кого угодно?

– Нет... Невозможное – невозможно. Ты же знаешь это не хуже меня. Мы с тобой ни в одном варианте мультивселенной не смогли бы ничего изменить, хотя бы в силу нашего возраста. Но умный и молодой человек, ведомый чувством долга, способен на многое...

– Ради чего? Наше человечество этим не спасти.

– Спасти можно! Наши знания и воспоминания... будут жить в той цивилизации, которая возникнет... благодаря нашим усилиям и тому, кто станет прогрессором...

Позади в кустах треснула ветка. Леша хотел вскочить, но было поздно. Сильный удар по голове повалил его на землю. Сквозь наползающую пелену Леша почувствовал, как кто-то навалился на него и прижал к земле. Вот и долгожданный контакт! Второй удар окончательно отключил его способность соображать.

Глава 3

1

Боль – очень противная вещь, непривычная для современного человека. История человечества – вовсе не попытка познать себя и мир, не жажда завоевания, не мечты о могуществе. Нет, конечно, все это присутствует, но как бы невзначай, между прочим. На самом деле эволюция человека – это бегство от боли. Бегство от душевной боли, вызываемой стыдом и бессилием, и, самое главное, бегство от боли физической. Боли, застилающей разум, пронизывающей тело, нестерпимой, противной, безжалостной.

Все тело болело, а голова раскалывалась... Первое, что он услышал, был смех. Сотни склизких букашек прыгали по лицу, забирались за шиворот, ползли по шее. Ах, да... Это же просто вода. И еще...

Леша зафыркал, отплевываясь от заполнившей нос воды, и открыл глаза. Над ним склонились зубы: желтые, кривые, гнилые. Они скалились и сухо пощелкивали. Лешу трясли и хлестали по щекам. Он застонал.

Три пары настороженных и недоверчивых глаз. Трое вооруженных бородатых мужчин. Леша неожиданно обнаружил, что может шевелиться и даже привстать. Оказывается, боль можно победить, если не обращать на нее внимания. Суровый седоволосый мужчина в коротком потертом плаще и кожаных штанах сидел возле него на корточках. Леша посмотрел ему в глаза. Мужчина усмехнулся и спросил что-то на отрывистом, резком языке. Алексей отрицательно помотал головой. Мужчина снова переспросил, но уже иначе. Затем еще и еще. Леша только пожимал плечами.

Легкая растерянность на лице мужчины переросла в изумление. Он беспокойно теребил спутанную бороду, с тревогой поглядывая на своих спутников. Они стояли рядом и переговаривались тихими напряженными голосами. Каждый попытался что-то спросить у Лешы, но он лишь морщился от боли, разрывающей затылок, и старательно изображал дружелюбную улыбку.

Наконец, Алексей собрался с мыслями. В голове всплыли запомнившиеся латинские слова:

– Salve, – выдавил он. – Vivat Imperatoris!.. – он запнулся и выжидающе посмотрел на аборигенов.

Но латынь ни на кого не произвела впечатления. Попытки что-то выспросить у Алексея быстро утомили слушателей. Они споро связали ему руки колючей пеньковой веревкой и занялись его вещами. Содержимое рюкзака подверглось тщательному досмотру и привело любопытных исследователей в еще большее недоумение. При этом они настороженно озирались по сторонам, то и дело бросая на Алексея растерянные взгляды.

Наконец, седоволосый абориген оттолкнул рюкзак и резко встал, проворчав что-то себе в бороду. Затем смерил Лешу недоверчивым взглядом и задумчиво погладил рукоять ножа, висевшего на поясе. Его спутники тоже поднялись, отряхивая колени и брезгливо отирая руки. Все трое синхронно сплюнули и угрюмо переглянулись.

Леша замер. Он понял, что сейчас решается его судьба. От бессильного отчаяния его бросило в холодный пот, но он старался изобразить максимальную наивность и дружелюбие. В его голове пронеслись десятки идей, что следовало бы предпринять в подобном случае. Удивить аборигенов каким-нибудь технологичным фокусом? Предсказать солнечное затмение? Щедро одарить? Он лихорадочно вспоминал, какие еще глупости полагается делать в безвыходном положении. Но крепко связанные руки, нестерпимая тошнота и головокружение мешали сосредоточиться.

С огромным усилием он сел и согнулся. Его вырвало зеленой желчью. Аборигены, брезгливо морщась, переглянулись и презрительно рассмеялись. Леша попытался подыграть и вымученно улыбнулся в ответ. Коренастый абориген сделал шаг к нему и задумчиво пнул ногой Лешин ботинок. Его спутники проворчали что-то одобрительное. Льстиво улыбаясь, Леша торопливо закивал. Бородач махнул рукой и подхватил его, заставляя подняться. Голова отозвалась резкой вспышкой боли, в глазах потемнело, но крепкие руки, вцепившиеся в Лешино предплечье, не дали ему упасть.

Понукаемый резкими толчками и грубыми окриками, Алексей, спотыкаясь, побрел за седоволосым аборигеном. В голове, прорывая пелену тяжелой боли, рассыпались осколки отчаянных мыслей. Нет, совсем не так он представлял себе первую встречу с людьми. Каким-то далеким, ускользающим уголком сознания, он ощущал теплый ветер, слышал тревожный крик сойки и тяжелые мерные шаги за спиной. Так начался его путь в новом мире.

2

Следующие несколько дней почти не отложились в его памяти. Лешу мучила нестерпимая головная боль и изматывала тошнота. Все было окутано смутной пеленой. Он даже не мог сказать, сколько прошло времени. Помнил лишь колючий тюфяк из прелой соломы и бревенчатые стены. От страха и бессильного отчаяния кружилась голова. Казалось, этому не будет конца.

Леша безучастно следил за маленьким прямоугольником солнечного света, бьющего через крошечную отдушину. Он знал, что, когда луч приблизится к соломенному тюфяку на расстояние ладони, его выпустят на несколько минут, чтобы дойти до выгребной ямы. Даже такая короткая прогулка казалась величайшим событием дня. Однако солнечному лучу предстояло проделать большой путь до этого момента...

Снаружи послышалась какая-то возня, скрипнул засов, и дверь распахнулась. В дверь протиснулся седовласый абориген, имя которого Леша так и не узнал. За его спиной стоял незнакомый мужчина. Леша с удивлением разглядывал гостя, казалось, он был полной противоположностью своего спутника. Молодой, высокий, с тщательно выбритым подбородком и

короткой аккуратной прической. Еще разительнее был контраст в одежде. Седовласый был в штанах из плохо выдубленной пахучей кожи и грубой льняной рубахе на выпуск, на ногах красовались Лешины ботинки. Его спутник был закутан в изящный голубой плащ с белой каймой, из-под которого виднелись голые ноги, а на них – странная обувь, напоминающая сандалии, но с длинным голенищем.

Юноша демонстративно поморщился и зажал нос. Тем не менее Алексея он разглядывал с большим интересом. Леша почувствовал какую-то неловкость за сальные свалывшиеся волосы и щетину на подбородке. Он неловко поднялся, держась за бревенчатую стену, и изобразил почтительный поклон. Вошедшие обменялись несколькими фразами. Наконец, молодой человек одобрительно кивнул. Седовласый расплылся в довольной улыбке и махнул Леше рукой, указав ему на выход.

Морщась от яркого солнечного света, Леша вышел на улицу и, пошатываясь, побрел по тропинке, понукаемый седовласым аборигеном.

В небольшой деревушке царило радостное оживление. На земле или на грубо сколоченных лавках, возле каждого дома, были разложены шкуры животных, наполненные чем-то глиняные кувшины, пучки сушеных растений, мотки пеньковых веревок, резные деревянные фигурки и множество прочих вещей. Молодой человек равнодушно проходил мимо, почти не обращая внимания на все это разнообразие. Неожиданно на одной из лавок среди выставленных товаров Алексей увидел свою аптечку и пару кварцевых дисков, рядом лежало несколько шоколадных батончиков.

Он остановился и уставился на аптечку. Она казалось совершенно целой. Похоже, местные жители так и не догадались, что ее можно открыть. Леша понимал ее огромную ценность: нужно хотя бы попробовать вернуть ее. Седовласый недовольно обернулся и что-то сердито проворчал. Алексей протянул руку к аптечке и выразительно посмотрел в глаза юноши. Тот с легким недоумением подошел к лавке и посмотрел на разложенные товары. Его внимание привлекли кварцевые диски. Он осторожно взял один из них и с восхищением стал рассматривать его идеальную форму.

Стоящий рядом бородатый абориген, что-то одобрительно произнес, схватил второй диск и стал совать его покупателю. Леша на секунду перехватил взгляд молодого человека и постарался максимально выразительно изобразить пренебрежение к дискам, скосив глаза на аптечку. Кажется, юноша понял его намек. Леше вдруг пришло в голову, что вкус батончика тоже может понравиться ему. Он ткнул в шоколад пальцем, а потом покачал ладонью, как бы показывая, что это занятная штука, не имеющая, однако, особой ценности.

Молодой человек вступил в торг, но, к отчаянию Алексея, казалось, что он торгуется только за кварцевый диск. Однако оказалось, что юноша неплохой делец. Уже почти договорившись о цене, он пренебрежительно указал на аптечку и шоколадные батончики, словно соглашаясь взять их в довесок. Леша затаил дыхание. Продавец задумчиво погладил бороду и кивнул. Отлично! Алексей еле заметно улыбнулся молодому человеку, тот в ответ пренебрежительно сморщился и отвернулся. Продавец ловко завязал покупки в небольшой узелок и почтительно протянул молодому человеку. Тот коротко кивнул в ответ, протянул несколько монет, взял покупку и, не оглядываясь, пошел дальше.

Пройдя мимо немногочисленных домов, спутники вышли к пологому берегу. К реке вела широкая нахоженная тропа, которая упиралась в небольшой причал из плохо ошкуренных бревен. К причалу была пришвартована широкая круглобоякая ладья с изогнутым, высоко задраным носом и короткой мачтой посередине. К мачте крепился большой парусиновый тент, закрывающий часть палубы. От корабля к берегу тянулась пара толстых пеньковых канатов. Возле судна скучали три воина, вооруженных короткими мечами. Рядом аккуратной пирамидкой было сложено несколько копий.

Молодой человек приветливо поднял руку, ему кивнули в ответ. Седоволосый абориген остановился и почтительно поклонился. Леша вопросительно посмотрел на него, и тот махнул рукой в сторону корабля. Седоволосый обменялся несколькими фразами с юношей и пошел обратно. Алексей стоял, переминаясь с ноги на ногу, и с любопытством озирался по сторонам.

Молодой человек поманил Лешу и что-то крикнул в сторону судна. Из-под тента вылез пожилой мужчина и, кутаясь на ходу в красный плащ, направился к ним.

Вид одежды и оружия этих людей привел Лешу к мысли, что теперь настало самое время попробовать латынь.

– Salve! – повторил он давешнее приветствие. – Vivat Imperatoris!

Но его слова не произвели никакого эффекта.

Леша сделал новую попытку:

– Ave... Vivat Republica... – с сомнением добавил он.

Слушатели переглянулись и в свою очередь что-то сказали Алексею, но он не разобрал ни единого слова.

– Никомедос! – обернулся собеседник к молодому человеку.

Юноша стал что-то многословно объяснять собеседнику.

«Никомедос... Никомед...» – Леша задумался. Имя похоже на греческое. Однако на греческом он мог сказать еще меньше, чем на латыни. Но, может, все же стоит попробовать?

Алексей напрягся, вспоминая нужное слово:

– Хайре!

Собеседники взглянули на него с любопытством и легким интересом.

– Хайре, – насмешливо бросил Никомед и выжидающе уставился на Алексея.

Леша выдохнул: вероятно, угадал. Что же сказать еще?

– Эллада, философия, ойкумена!

Стоящие на страже воины с любопытством косились на них, прислушиваясь к разговору. На лицах их читались презрение и насмешка. Никомед снова задал Алексею несколько вопросов, но он лишь недоуменно моргал и беспомощно улыбался.

Никомед перебросился парой фраз с пожилым собеседником. Черты их лиц были схожи, так что Леша решил, что пожилой мужчина – отец Никомеда. Насколько Леша сумел услышать, его звали Фрасиклид.

Никомед достал из-под плаща узелок с купленными в деревне вещами и продемонстрировал отцу его содержимое. Они с восторгом разглядывали кварцевый диск, бросая на Лешу пытливые взгляды. Затем Никомед махнул рукой, подзывая Алексея. Молодой грек вопросительно указал на аптечку и питательные батончики. Леша взял один батончик и жестом показал, что нужно сорвать упаковку, но не решился сделать это без разрешения. Никомед взял второй батончик и любопытством стал рассматривать напечатанный на упаковке текст. Леша ткнул пальцем в буквы и прочел надпись.

Никомед с отцом переглянулись, и Фрасиклид кивнул. Никомед сделал рукой подбадривающий жест. Леша аккуратно, стараясь не порвать упаковку, открыл батончик. В воздухе разнесся аромат арахиса, смешанного с шоколадом. Леша поднес батончик к губам, показывая, что его следует съесть. Греки с сомнением смотрели на него. Тогда Леша сквозь упаковку отщипнул небольшой кусочек шоколадки, положил на язык, демонстративно причмокнул и одобрительно закивал, затем протянул батончик Никомеду. Тот тоже отщипнул крошечный кусочек и опасливо положил себе в рот. На его лице появилась гримаса приторности и удивления. Он причмокнул и что-то сказал отцу. Немного постояв в задумчивости, он снова поднес шоколадку к губам и откусил кусочек побольше. Его отец тоже решился попробовать незнакомое лакомство. Вскоре оба грека дожевывали батончик, одобрительно покрякивая. Расправившись с шоколадом, они одновременно взглянули на оставшуюся пару шоколадок. Фрасиклид что-то спросил Никомеда, тот пожал плечами и махнул рукой в сторону деревни.

Затем на языке жестов они спросили Лешу, его ли это вещи. Тот утвердительно кивнул, ткнул в оставшиеся батончики и показал на пальцах, сколько их должно было остаться в деревне. Кажется, греки поняли его. Никомед задумчиво посмотрел в сторону поселения, затем вопросительно указал на аптечку. Леша развел руками. Отчаянно жестикулируя, он пытался донести до собеседников, что ему не хватает слов, чтобы объяснить, что это за предмет. Вообще-то, он и не очень стремился к этому. Было важно, чтобы греки взяли аптечку с собой, а знать ее истинное назначение им точно пока не стоило.

Наконец, Никомед осознал проблему. Он задумчиво поскреб подбородок, что-то сказал отцу и пронзительно свистнул в три пальца. Леша даже подскочил от неожиданности. Усмехнувшись, Никомед отвернулся и стал что-то многословно объяснять подбежавшему взлохмаченному мальчугану.

Пареньку было лет двенадцать – тринадцать, и вид его произвел на Лешу неприятное впечатление. Сальные растрепанные волосы, испуганный бегающий взгляд и глупая улыбка, не сходящая с чумазой физиономии. Даже получив крепкий подзатыльник, паренек продолжал ухмыляться. Алексей поморщился, а Никомед все втолковывал что-то мальчугану, время от времени выразительно тыкая пальцем в Лешу. Закончив с наставлениями, Никомед повелительно махнул рукой, отослав мальчика, и направился обратно в деревню. Фрасиклид проводил его взглядом и подошел к воинам, охраняющим стоянку.

Паренек почтительно поклонился вслед Никомеду, тихонько что-то бормоча, опасливо приблизился к Леше, смачно сплюнул и ткнул Лешу пальцем в плечо:

– Энеас! – гордо стукнул себя в грудь мальчуган и вопросительно посмотрел на Алексея.

– Алексей.

– Алексиус?

Леша кивнул. Мальчуган усмехнулся, его ухмылка расплзлась во все лицо, став при этом еще глупее.

Попытавшись улыбнуться в ответ, Алексей соорудил неопределенную гримасу и рефлекторно протянул руку. Энеас вздрогнул, но, не растерявшись, звонко хлопнул по протянутой ладони и расхохотался. Ну что ж, кажется, первый контакт налажен.

Алексей почувствовал резкий приступ головокружения. Его качнуло, и он схватился за плечо мальчика. Паренек вздрогнул, но устоял. Потом снова засмеялся, глядя на побледневшую Лешину физиономию, и что-то затараторил. Пожав плечами, Алексей попытался изобразить непонимание. Энеас схватил его за руку и потянул за собой.

3

Учить иностранный язык, объясняясь одними жестами – весьма непростая задача. Особенно если тебя учат не по отработанной годами научно обоснованной методике, а как взбрет в голову бестолковому учителю. Худо-бедно можно запомнить названия вещей вокруг, да и то тебя ожидают постоянные сюрпризы. Неожиданно слово, которым, как ты считал, называют дерево, оказывается означаящим далеко не всякое дерево, а всего лишь сосну. Звезда оказывается луной, а лицо – улыбкой.

Больше месяца Алексей пытался разобраться в той абракадабре, которую преподавал ему Энеас. Мысли маленького учителя постоянно прыгали с предмета на предмет, дело усугублялось полной неспособностью мальчика систематизировать понятия и излагать мысли последовательно. Так что Алексей учился, скорее, полагаясь на интуицию, чем на учителя. Сотни раз он проклинал Никомеда, определившего ему в наставники Энеаса, но в глубине души был благодарен эллину. Ведь даже плохой учитель – гораздо лучше, чем вообще никакой. А судя по отношению к другим пленникам – четверем рабам, которых предприимчивые эллины купили по пути, Алексею уделили исключительное внимание. Грех было этим не воспользоваться. Леша и пользовался по мере сил, хотя учиться ему было весьма непросто.

Уже через несколько недель он был способен, хоть и очень коряво, излагать свои мысли. И, странное дело, не имея под рукой разговорника, Леша подбирал слова, находя аналогии в родном языке. Постепенно древнегреческий язык становился для него все менее древним. Язык как язык. Перевод с этого языка был не сложнее, чем перевод с английского. Да, трудно и непонятно, но Леша не чувствовал какой-то особой архаики.

Похоже, основным занятием эллинов в этих диких местах была торговля. Они активно скупали мех, мед и деготь в немногочисленных деревнях, расположенных на берегу реки. Рабы, очевидно, не были главной целью экспедиции. Их скупали по случаю. Хорошенько поразмыслив, Леша пришел к выводу, что ему повезло. Если бы он остался у местных жителей, вряд ли в обозримом будущем у него появился бы шанс добраться до относительно цивилизованной страны.

Каждый вечер Леша принимался расспрашивать Энеаса, пытаясь разобраться, куда и в какое время он угодил, попутно пытаясь улучшить свой греческий. Он уже выяснил, что эллины возвращаются в загадочный и не известный ему город – Эутаней. По крайней мере, именно так Леша расслышал это название после множества повторений. Эутаней был родиной Никомеда и его отца Фрасиклида, которым принадлежал корабль. До него оставалось еще около месяца пути.

С определением во времени дело обстояло гораздо хуже. Однажды на привале Алексей решил, что уже способен вести осмысленный разговор на эту тему, и подсел к наворачивающему чечевичную похлебку Энею.

Красноречиво дополняя исковерканные слова выразительными жестами и устрашающими гримасами, он начал расспрашивать:

– Скажи, Энеас, а как называется река, по которой мы плывем?

– Танаис.

Название было смутно знакомым, и Леша напрягся, закрыв глаза и пытаясь вспомнить русское название реки. Оно вертелось на языке, но на память не приходило.

– Может, ты также знаешь, как называется место, где меня схватили, или название притока, который впадает в том месте в... Танаис?

– Нет, я не знаю, – выковыривая пальцем зернышко из зубов, промычал мальчик.

– А какой сейчас год?

Энеас, особо не задумываясь, ответил:

– Не очень урожайный. Вот в прошлом году был хороший урожай оливок, даже цены упали на два оболы за медуна. А сейчас засуха, дождей давно нет.

– Хм... Как у вас отличают один год от другого?

– А зачем их отличать? Они же одинаковые!

Алексей удивленно поднял брови и поскреб затылок. В памяти вертелся рассказ учительницы о том, что время в древней Греции считали по Олимпийским играм. Он даже помнил некоторые заученные в далеком детстве исторические даты. К Элладе относились целых три: первые Олимпийские игры – 776 г. до н. э., Марафонская битва – 490 г. до н. э. и Фермопилы – 480 г. до н. э. И Леша очень надеялся, что этого хватит, чтобы достаточно точно определиться, в какой год он угодил.

– Когда же были последние Олимпийские игры?

– Почти три года назад.

– А сколько раз они уже проводились?

Энеас изумленно посмотрел на него:

– А разве они были не всегда?

– Но проводились же они когда-то впервые? – с сомнением спросил Леша.

Энеас глубоко задумался. С минуту он сидел, глядя в небо и шевеля губами.

– Клянусь богами, ты задаешь очень странные вопросы, Алексиус! Возможно, они когда-то и проводились впервые, но это было в стародавние времена. Может, жрецы в Дельфах знают ответ, а мне он не известен. Да и не все ли равно? Пока Гелиос пересекает в своей колеснице небесную твердь, а Гея рождает благодатную ниву, были и будут Олимпийские игры в Элладе!

«Приехали...» – Леша тихонько ругнулся и попытался зайти с другого конца.

– А когда была Марафонская битва? – с надеждой спросил он.

Энеас его не понял. Алексей давно убедился, что русские названия эллинских городов, рек, морей, предметов и даже имена звучат совсем иначе, чем на древнегреческом. Так что он не очень удивился и уже без особой надежды попытался пересказать историю о зарождении марафонского бега. К его изумлению, Энеас закивал и сказал, что это событие произошло до его рождения, точнее определиться по времени он не смог.

Алексей понял, что его знаний греческого еще совершенно недостаточно, и решил отложить расспросы. Однако Никомед был вовсе не готов отложить свои. Чем дальше Леша продвигался в изучении аттического диалекта, тем больше Никомед старался выпытать у него, откуда он взялся с такими странными вещами на берегу всеми богами забытой реки. Алексей долго не мог решить, что же рассказать изнывающему от любопытства эллину. Наконец он решил, что не стоит откладывать свой рассказ, потому что Никомед может разочароваться в его глупости и отобрать учителя.

Целый день Леша тихонько сидел на палубе, придумывая правдоподобную легенду, и не обращал внимания на вертевшегося возле него Энеаса. Наконец, сказка для любопытствующих была готова. Чем проще – тем лучше. Алексей, исходя из этого принципа, тем же вечером поведал Никомеду о своих злоключениях. Его греческий был еще весьма далек от совершенства, поэтому он был краток, но выразителен.

Свою поучительную историю Леша закончил примерно так:

– ... И боги прокляли мой великий народ, ниспослав ужасную кару. Небо извергало пламя, земля разверзлась под ногами, смерть была всюду. Могучий вихрь подхватил меня и забросил в то место, где вы встретили меня. Еще в детстве жрец подарил мне могущественный талисман, который и спас меня от смерти. Так что, боюсь, я единственный из моего народа, кто избежал гибели.

Никомед долго молчал, глядя на танцующие языки костра.

Видимо, Лешин рассказ произвел на него впечатление, неожиданно он встрепенулся:

– Где же этот талисман? Я хочу взглянуть на него.

– Он исчез, – тихо ответил Алексей. – Теперь я беззащитен...

Они еще немного помолчали. Лицо молодого эллина приняло озабоченное выражение.

– Ты проклят богами... – полувопросительно, полуутвердительно проговорил он. – Жаль, я хотел оставить тебя.

Изобразив огорчение, Леша опустил голову.

– Тебе не стоит рассказывать другим эту историю. Надеюсь, твое проклятие не коснется нас, – с плохо скрываемым беспокойством добавил Никомед, потом быстро поднялся и отошел от Алексея.

– Надеюсь, – тихо прошептал Леша, глядя ему вслед.

4

Чужой мир. Это невозможно постичь, можно только почувствовать. На первый взгляд, все то же самое: прохладный ветерок треплет давно нечесанные волосы; плеск волн, искрящихся в лучах заката; пронзительный крик чаек... Но невозможно передать эту непостижимую пустоту, тяжело сжимающую сердце. Уже почти нет боли, почти нет тоски, и даже улыбка

матери почти стерлась из памяти, погребена под навалившимися событиями. И неизвестно, где ты, когда ты и куда ты. Невыразимо страшно и одиноко...

На протяжении всего путешествия Алексей был словно подвешен в пустоте, с огромным трудом отыскивая нити реальности, связывающие его с вроде бы знакомым ему миром. И каждый раз, обнаружив что-то привычное, радовался как ребенок. Босфор и Дарданеллы Леша вычислил логическим путем, хотя никогда не был в этих местах. Впрочем, долго сомневаться не приходилось. Он был практически уверен в какой части света очутился. Так что переход по проливам лишь подтвердил его догадки. Леша никогда не думал, что будет так радоваться одному только факту четкого осознания, где он находится.

Крупных городов рядом с проливами он не заметил. Было лишь небольшое поселение, который эллины даже не посетили. Это, как и многие другие мелочи, на которые Леша обращал внимание, утвердило его в мысли, что он оказался значительно раньше предполагаемого времени. Видимо, Рим только начинал копить силы для стремительного рывка, а значит, его задача не допустить этого.

Леше еще осталось понять, сколько лет отделяет его от Александра Македонского. Энеас совершенно не разбирался в текущей геополитической обстановке. Однако неторопливое путешествие через Гелеспонт подарило Алексею отличную идею. Он даже расстроился, что не додумался до этого раньше. На первом же привале он подсел к Энеасу, взял в руки палочку и принялся рисовать на песке очертания Европы и Средиземного моря. Мальчик с любопытством косился на его картографические потуги.

Когда Леша подозвал его, он осторожно приблизился, что-то буркнул под нос и коснулся своего амулета.

– Это твои боги, Алексиус?

– Чего? – Леша растерянно захлопал глазами.

– У тебя очень страшные боги... – мальчик поежился.

Леша не удержался и рассмеялся:

– Нет! Это... – он запнулся, подбирая подходящие слова, но таких не оказалось.

– Это картэс.

Алексей подскочил от неожиданности, но отметил про себя: картэс – карта, вполне логично. Энеас испуганно захлопал глазами. За его спиной стоял Никомед и с любопытством рассматривал импровизированную карту. После последней беседы он старался держаться от Алексея подальше, но, видимо, разговор пленника с Энеасом привлек внимание эллина.

Никомед присел на корточки, отобрал у Алексея палочку, исправил контур Черного моря и ткнул прутиком, намечая какие-то острова.

Леша указал жестом на Босфор:

– Мы сейчас здесь, господин?

– Да, Алексиус.

– Где же находится Эутаней?

Прутик ткнулся в камешек, лежащий чуть восточнее перешейка, связывающего Пелопоннес с материковой Грецией. Лешино сердце радостно подпрыгнуло: «Афины! Неужели Афины?»

– Эутаней вот здесь.

Алексей благодарно кивнул и впился глазами в камешек.

Глава 4

1

Запах рыбы. Отвратительный, неистребимый. Он был везде: рыбой пахла пристань, рыбой пахли толстенные смоляные канаты и сходни, рыбой воняли снующие повсюду, орущие, смеющиеся люди. Алексей не любил запах рыбы. С трудом сдерживаясь, чтобы не зажать рукой нос, он с любопытством оглядывал оживленный Пирей – морские ворота Афин.

На корабль уже наведались гости. Эпимелет эмпорион – если Леша правильно понял, это было не имя, а какая-то должность – что-то выспрашивал у Никомеда. Стоящий рядом с ним писарь торопливо делал пометки на восковой табличке. Другой чиновник – ситофилак, шевеля губами, пересчитывал огромные амфоры с зерном, которые аккуратно поднимали с корабля каким-то хитрым механизмом, смахивающим на подъемный кран. Бюрократов набежало – не продохнуть, и от всех воняло рыбой. Алексей с отвращением отвернулся и стал рассматривать порт.

Конечно, порт – не совсем подходящее слово. Пирей смело можно было назвать городом: внушительные каменные склады выходили на пристань, колоннада какого-то храма возвышалась над домами. По всему периметру гавани тянулась довольно внушительная стена. И кругом люди. Огромные толпы людей. Алексей давно отвык от такого их количества.

Афинские граждане сразу бросались в глаза. Несмотря на портовую суету, они шествовали спокойно и важно, горделиво подняв голову и снисходительно поглядывая на бурлящую людскую массу. За каждым, таща тяжелые корзины, кувшины или просто защищая господина от солнца зонтиком, брели рабы. Открыв рты и ошарашенно вертя головами, ходили варвары.

То тут, то там сновали метеки – эллины, живущие в Афинах, но не имевшие афинского гражданства. С наигранным пренебрежением, но с плохо скрываемым восторгом, пытаясь держаться так же чинно, как истинные афиняне, прохаживались эллины, приезжие из Беотии, Аркадии, Фессалии и других областей огромного эллинского мира.

Все это Энеас растолковывал Алексею, пока тот изумленно глазел по сторонам, словно дикий варвар, никогда не видевший цивилизации.

Вдруг Лешу грубо толкнули в плечо:

– Пошли!

Какой-то коренастый бородач с коротко стриженными волосами хмуро смотрел на него.

Алексей вопросительно взглянул на Энеаса.

Мальчик грустно улыбнулся:

– Давай прощаться, Алексиус. Наверное, мы уже не увидимся. Сейчас господин пойдет домой, а вас оставят здесь, в Пирее. Послезавтра день продажи рабов... Надеюсь, тебе повезет и тебя купит хороший хозяин.

Леша кивнул:

– Спасибо. Ты был добр к глупому варвару, Эней.

Мальчик опустил глаза:

– Клянусь Аполлоном, ты самый необычный варвар, которого я видел в жизни, и думаю...

– Эней осекся.

Алексей выжидающе смотрел на него, но Эней только покачал головой:

– Прощай, Алексиус. Пусть твои северные боги оберегают тебя.

– Прощай, – тяжело вздохнул Леша.

– Если тебя продадут на Лаврионские рудники – беги! – воровато оглянувшись, быстро шепнул Эней и махнул рукой.

Лешу уже толкали в спину длинными дубинками. Бросив последний взгляд на судно, он побрел вместе с остальными рабами по широкой, вымощенной каменными плитами дороге.

2

Аукцион рабов не был похож на то, что изображали многочисленные писатели конца XIX века. Накануне рабов отвели в бани, тщательно намыли, подстригли и даже побрили, чтобы придать им товарный вид. Рынок невольников не выглядел как скопище грязных и заросших варваров. Все проходило довольно чинно и спокойно. Леша был готов увидеть сцены насильственного разделения семей, унижения рабов, прилюдного обнажения женщин. В воображении рисовался образ толпы алчных рабовладельцев, ошупывающих его мускулы и заглядывающих к нему в рот.

Алексея в числе прочих рабов вывели на небольшую площадь. Несколько потенциальных покупателей, абсолютно все мужчины, в сопровождении одного-двух слуг не спеша прохаживались, поглядывая на группу невольников. Если кто-то вызывал их интерес, они подзывали продавца и тихо беседовали. Леша обвел глазами выставленных на продажу рабов. Здесь было примерно полсотни мужчин, женщин и детей.

Дюжина крепких коренастых парней с русыми волосами, из скифов, нервно переминались с ноги на ногу. Кучка мускулистых негров в одних набедренных повязках, наоборот, безразлично сидели на земле. Некоторые женщины были с детьми. Обособленно сидели семьи – видимо, греков, плененных во время междоусобных войн. Несколько вооруженных воинов сторожили всю эту разномастную людскую толпу.

Алексей ловил на себе множество заинтересованных взглядов. Не удивительно: его макушка на сто восемьдесят пять сантиметров возвышалась над землей и сантиметров на пятнадцать – над большинством макушек на этом рынке. Хотя вряд ли это был повод для оптимизма. Леша скептически огляделся и подумал, как бы его не заставили что-нибудь копать или носить.

Он старался прислушиваться к разговорам окружающих. За последние недели его греческий стал значительно лучше. Леша уже мог на слух понимать большую часть обращенных к нему слов и почти не делал ошибок в окончаниях. У него всегда были способности к языкам, и сейчас это было весьма кстати.

Кто же станет его хозяином? Успех миссии стоял на кону. Леша напряженно замер, внимательно изучая потенциальных покупателей. Его внимание привлек вышедший на площадь долговязый мужчина средних лет с аккуратно подстриженной бородой и усами. Мужчина уверенно протиснулся к небольшому возвышению, на котором располагался живой товар, и принялся внимательно рассматривать выставленных на продажу рабов-мужчин. Он улыбался, перекидываясь шутками с продавцами, но от него веяло чем-то недобрым. Леша заметил, что невольники при виде этого человека стали прятать взгляд, горбиться и как-то съеживаться. Всеобщее напряжение передалось и ему.

За Лешиной спиной в группе рабов-греков шептались. Он прислушался, с трудом различая непривычный для уха дорический говор:

- Это Сосий. Приказчик Никия.
- Проклятый фракиец!
- Ищет для Никия работников в Лаврион!

Леша вздрогнул. Он сразу вспомнил совет Энея, и ему совсем не понравился оценивающий взгляд, которым смотрел на него Сосий. Он сообразил, что на фоне остальных рабов выглядит довольно крупным и сильным.

Начались торги.

По знаку Никомеда вперед вышла молодая женщина с маленьким ребенком на руках. Леша присел на корточки и, стараясь не смотреть в сторону Сосия, стал следить за происходящим.

Раб глашатай откашлялся и закричал, пытаясь заглушить гомон:

– Граждане афинские! Гражданин Никомед, сын Фрасиклида, продает эту женщину из скифов. Она продается с ребенком двух лет от роду. Поэтому цена за нее всего три мины! – глашатай остановился, переводя дыхание и ища глазами возможных покупателей.

Никто не проявил особого интереса. Никомед уже махнул рукой, показывая, чтобы оглашали следующую продажу, но тут вперед шагнул мужчина в алом плаще.

– Скажи, почтенный, выйдет ли из нее хорошая пряха? – с сомнением спросил он. – А то жена замучила – спасу нет...

– Конечно, благородный Харикл. Клянусь Зевсом! Из этой женщины выйдет искусная пряха и хорошая помощница по дому! Она из скифов, а их женщины славятся прилежанием и послушанием, – почтительно, но без приниженной лести сказал Никомед.

– Возможно... Но меня смущает ребенок.

– Да, у нее ребенок, но он не так уж и мал. Ему уже два года. Так что скоро он сможет помогать по хозяйству. И у тебя будет верный и послушный раб, выросший в доме.

Харикл поморщился:

– В этом возрасте дети часто умирают. Кроме того, его надо кормить и...

Никомед прервал его:

– Уважаемый Харикл, я понимаю, что маленький ребенок – дополнительная обуза, но не можем же мы, подобно варварам, отнимать дитя от матери. Такую сильную и молодую рабыню ты нигде не найдешь дешевле четырех мин. А мы согласны уступить тебе ее с ребенком... – он на секунду замолчал и посмотрел на сидящего в тенечке отца.

Фрасиклид едва заметно кивнул, и молодой человек продолжил:

– Даже не за три, а всего за две с половиной мины. Пятьдесят драхм – достойная компенсация за обузу в виде ребенка.

– Хорошо, я возьму ее, – кивнул покупатель. – Ты знаешь, где мой дом?

– В районе Керамика, недалеко от Дипилонских ворот, напротив харчевни?

– Да, – невольно скривившись при упоминании харчевни, сказал Харикл. – Приходи за деньгами завтра.

Все это время Алексей искоса глядел на Сосия. Он заметил, как тот подошел к отцу Никомеда и, пока его сын занимался продажей, стал что-то активно обсуждать. Фрасиклид почтительно кивал, следя за жестикуляцией фракийца. А тот начал пальцем показывать на рабов, выбирая крупных и сильных мужчин. Наконец, палец Сосия указал на Алексея. У Леша заняло сердце. На рудники совершенно не хотелось. Он стал лихорадочно озираться по сторонам, ища спасения.

Его внимание привлек пожилой мужчина в потертом гиматии с синей каймой, который о чем-то спрашивал Никомеда. Алексей встал, подошел поближе и напряг слух.

До него донесся голос:

– Нет, почтенный Тофон. Наши рабы из далеких северных краев. Среди них нет таких, кто это умеет...

Леша не знал, что требовалось Тофону, но решил рискнуть.

– Господин! – обратился он к пожилому афинянину. – Я умею это!

Тофон поморщился и скептически взглянул на него:

– Повтори, что ты сказал. Не могу разобрать твою варварскую речь.

– Я умею это! – повторил Леша и вдруг сообразил, что в горячке ошибся. – Я умею... – поправился он с гораздо меньшим запалом.

Тофон усмехнулся и вопросительно посмотрел на Никомеда. Тот почесал подбородок, видимо, прикидывая, как все это может отразиться на цене раба.

– Этот... гхм... прекрасный юноша действительно очень умен и сообразителен, – с ноткой сомнения сказал купец.

– Ты обучен грамоте? Умеешь читать, писать и считать?

Леша глянул на Сосия. Фракиец в сопровождении Фрасиклида уже отобрал пару рабов и явно намеревался идти за Алексеем.

– Да, господин! Я умею читать и считать.

– Это любопытно! – рассмеялся Тофон. – Ну, ответь мне, юноша, сколько будет эпта раз по пенте?

Леша моргнул. Числительные они с Энеасом так и не выучили. Никомед с любопытством и надеждой смотрел на него.

Алексей постарался изобразить жалостливое выражение лица и повернул ладони к Тофону, растопырив пальцы:

– Эпта – сколько пальцев? – обреченно спросил он.

Тофон рассмеялся. Другие покупатели живого товара, услышав смех, подошли ближе, пытаясь понять, что происходит.

Никомед мрачно огляделся и сурово посмотрел на Лешу:

– Зачем ты обманываешь почтенного господина и тратишь наше время?! Придется тебя проучить! Впрочем... – он взглянул на Сосия. – Полагаю, на Лаврионских рудниках тебя отучат врать и без меня...

Тофон понимающе кивнул и отвернулся.

– Господин! Я... плохо знать эллинский! Но я уметь... умею считать! Эпта и пенте – это сколько? Покажи... пожалуйста.

С легким сочувствием и даже каким-то сожалением Тофон посмотрел на Лешу и поднял руки.

– Эпта, пенте! – и он по очереди разогнул сначала семь, а затем пять пальцев.

Леша закивал и стал лихорадочно сжимать и разжимать кулаки.

– Эпта раз по пенте! – он трижды выставил две растопыренные ладони, а потом сжал левую в кулак, а правую протянул к Тофону. – Эпта по пенте, – повторил он.

Тофон с Никомедом переглянулись.

– Эпта раз по эпта! – громко сказал Леша, показав на пальцах сорок девять.

– Пенте раз по пенте! – снова замелькали ладони.

Видимо, его напор и скорость, с которой он выкидывал пальцы, произвели впечатление. На лице Тофона появилась задумчивость. Но в этот момент к ним подошли Сосий с отцом Никомеда.

– Мальчик мой, что здесь происходит? – тихо спросил Фрасиклид. – Сосий готов купить этого раба для своего господина за пять мин. Отличная цена!

Никомед выжидающе посмотрел на Тофона. Тот молчал.

– Мы выяснили, что этот раб умеет считать, а может, и обучен грамоте.

– Это, разумеется, поднимает его цену, – оживился Фрасиклид.

Сосий усмехнулся:

– Моему господину нужны работники в штольни, а не счетоводы. Он платит за мускулы и крепкую спину.

Леша вздрогнул и умоляюще посмотрел на Тофона. Тот с любопытством рассматривал его.

– Возможно, этот юноша и умеет считать, но его варварское умение для меня бесполезно.

– Господин, я научусь! Гораздо легче научиться считать на другом языке, чем просто считать!

– Гораздо легче научиться молчать, а не говорить глупости и не обманывать честных людей, – тихо сказал Сосий, и в его голосе послышалась еле сдерживаемая злость. – Ничего, у моего хозяина рабы быстро этому учатся.

Повисло молчание.

– Семь мин, – сказал, наконец, Фрасиклид.

Сосий отрицательно покачал головой. Тофон присоединился к нему.

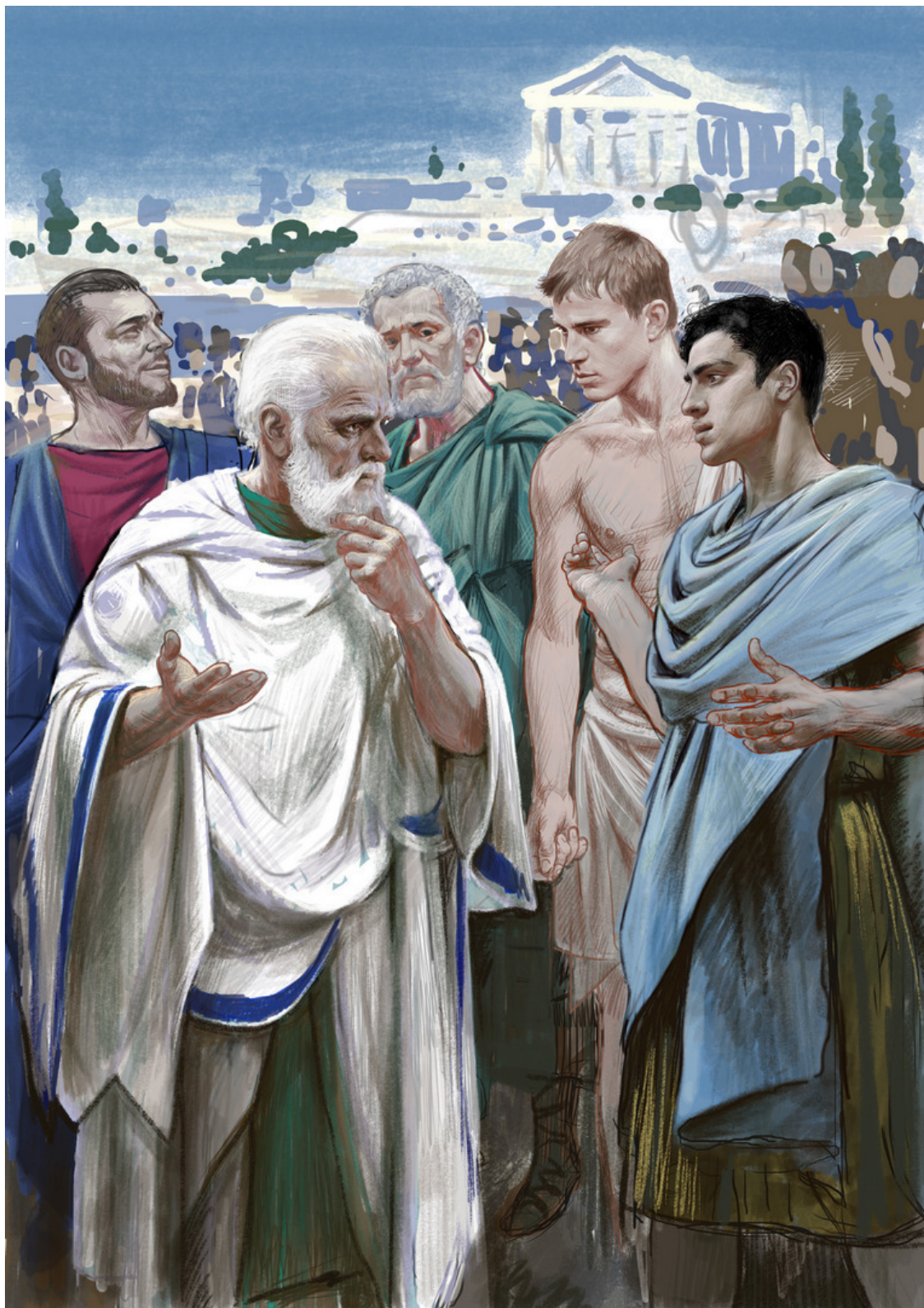
– За семь мин я куплю вон тех карийцев, – пренебрежительно бросил Сосий, махнув рукой в сторону двух босоногих, исхудавших черноволосых подростков, сидевших на корточках в тени портика.

– А я за семь мин куплю кого-нибудь с Фессалии или Халкидики, кто умеет считать и говорить, не коверкая слова.

Никомед сочувственно посмотрел на Лешу, потом по очереди взглянул на Сосия и Тофона.

– Уважаемый Тофон! Я видел много рабов и могу отличить того, который станет хорошим и расторопным слугой, кого не страшно ввести в свой дом и кому можно доверить свое имущество. Из этого раба выйдет толк, особенно если его немного подучить. Я сразу заметил это. Именно поэтому я поручил мальчику учить этого варвара языку эллинов. Он как податливая глина. Можно оставить эту глину в яме среди прочей грязи или вылепить из нее великолепную амфору...

– Хорошо, – Тофон задумчиво провел рукой по аккуратно стриженной седой бородке, потом поправил сползший гиматий. – Шесть мин!

Никомед и Фрасиклид переглянулись. Фрасиклид бросил взгляд на Сосия. Фракиец безразлично пожал плечами и отвернулся.

– Договорились, господин. Шесть мин за северного варвара, – быстро сказал Никомед.

– Поздравляю, уважаемый Тофон! Этот раб – очень удачная покупка, – улыбнулся Фрасиклид.

– Надеюсь, – кивнул Тофон. – Встретимся завтра на агоре, когда она полна народа, и заверим сделку, а сейчас мне пора.

Леша с легким удивлением ждал, что собеседники уточнят время встречи, но, видимо, сказанного было вполне достаточно.

– Конечно, – с почтением ответил молодой человек и повернулся к Алексею. – Тебе повезло, Алексиус. Это твой новый господин, будь послушен и исполнителен, и с тобой будут обращаться хорошо.

Леша благодарно кивнул и посмотрел на Тофона.

– Спасибо вам... – начал было он, но вспомнил, чему учил его Энеас: в греческом привычное русскому слуху уважительное «вы» использовалось только при обращении к нескольким людям.

– Спасибо тебе, господин, – исправился он торопливо.

Тофон равнодушно кивнул:

– Следуй за мной, – сказал эллин. Затем поманил сидящего в отдалении на корточках слугу. – Тимокл! Иди сюда. Это мой новый раб – Алексус. Присматривай за ним.

Тимокл изучающе оглядел Алексея:

– Ну и огромный же этот варвар, господин! На него еды не напасешься, клянусь Афиной! Да и глупый наверняка, что твой глиняный горшок, как все варвары...

Тофон тяжело вздохнул:

– Эх, давно ты не знакомился с палкой, Тимокл! Слишком уж дерзок стал... – и он повернулся и пошел вверх по улице.

3

Пыльная дорога медленно поднималась в гору. Редкая тень от одиноких платанов и кипарисов совершенно не спасала от зноя, но солнце уже клонилось к закату. Унылые стены вдоль дороги тоже были недостаточно высоки, чтобы их тень давала путникам спасительную прохладу. Особой мукой было отсутствие обуви. С тех пор как Леша потерял свое снаряжение и обувь, ему еще не доводилось делать таких больших пеших переходов, а он не привык ходить босиком. Ступни сбились об острые дорожные камни, и Леша хромал на обе ноги, с трудом выдерживая заданный темп.

Уже больше часа путники брели от Пирея в сторону Афин. Тофон бодро вышагивал впереди, не обращая внимания на пыль и солнечный зной. Леша с уважением и легкой завистью смотрел ему в спину. Тимокл, напротив, кряхтел и причитал, хотя на вид был гораздо моложе своего господина. Дорога была очень оживленная. Постоянно попадались навстречу афиняне, с которыми Тофон почтительно раскланивался и обменивался приветствиями. Пару раз он даже садился с хорошими знакомыми в теничке и неторопливо беседовал. Пользуясь этими остановками, Тимокл падал на пыльную придорожную траву и, шумно сопя, лежал без движения, всем своим видом подчеркивая неимоверную усталость и изнеможение. Алексей же садился поближе к новому хозяину и, растирая горящие ступни, вслушивался разговор. По долетавшим обрывкам речи он понял, что Тофон со знакомыми обсуждал в основном городские дела и сплетни, но суть беседы уловить не мог.

На очередном привале Леша не выдержал и обратился к Тимоклу:

– Уважаемый Тимокл, будь любезен, поведай мне о своем господине и о его семье. Где я буду теперь жить?

– Ээ! Да ты говоришь на греческом? – изумился Тимокл.

– Да, я выучил язык по пути в Афины.

– Хм... Видать, ты не так глуп, как кажешься на первый взгляд...

Леша натянуто улыбнулся и попытался перевести разговор в другое русло:

– Возможно, но мне, разумеется, далеко до тебя, мудрый Тимокл.

Расплывшись в самодовольной улыбке, раб кивнул:

– О, да! Наш господин очень уважает меня и всегда со мной советуется. Поэтому все в доме слушаются Тимокла. Господин всегда берет меня с собой, как сегодня... – Тимокл явно увлекся, и его понесло. – Кстати, ведь это я посоветовал господину купить тебя, так что ты весьма обязан мне. Ибо наш господин – добрейший человек, и это счастье для тебя, что ты стал его рабом по моему совету!

Леше стало противно. Но нужно было побольше узнать, поэтому он пересилил себя и почтительно закивал:

– Спасибо, мудрый Тимокл. Я, как смогу, отблагодарю тебя за доброту. Может, ты не сочтешь за труд и расскажешь мне о нашем господине?

В течение следующего часа Алексей выслушал огромное количество сплетен, слухов и домыслов, узнал всю подноготную Тофона, его родственников, друзей, рабов и рабов его друзей. Он услышал множество «занятных» историй, подчеркивающих мудрость Тимокла и глупость всех остальных. Узнал, как другой раб Тофона, Эвтин, чуть не спалил дом, заснув у очага, как повариха Антимона обварила кипятком руку, и как он, Тимокл, наябедничал на молодого племянника Тофона, что тот ходит к дочери зеленщицы из метеков. Последняя история особенно поразила Алексея. Насколько он понял этого болтуна, раб шантажировал молодого человека и вытянул с него несколько мелких монет – оболон, которые благополучно пропил, а когда тот отказался давать деньги, рассказал все его отцу – брату Тофона, за что получил еще немного. Подобные истории внушили Алексею осторожный оптимизм в отношении положения рабов и его возможных перспектив.

Скоро Алексей представлял общую картину жизни и взаимоотношений в семье Тофона. Уважаемый и богатый эллин из старого аристократического рода. Более сотни рабов, дом рядом с агорой, есть большое поместье недалеко от Алопеса на берегу Иллисса в пригороде Афин и еще одно поместье рядом с поселком Ороп. Жена умерла от горячки лет десять назад. Единственный ребенок – Пандора. Своенравную дочь любит и балует сверх необходимости. Видимо, боится остаться на старости лет в одиночестве и отдавать замуж не торопится, хотя дом постоянно посещают сваты. Образован, умен и справедлив, но, по мнению раба, совершенно не практичен. Его легко обмануть и обокрасть, чем большинство домашних рабов и промышляют в промежутках между попытками увильнуть от возложенных на них обязанностей.

– Скажи, почему у его дочери такое необычное имя – Пандора? Разве не так звали женщину, которая открыла шкатулку со всеми несчастьями человеческого рода? – прервал Алексей очередную хвастливую историю Тимокла.

Раб задумчиво почесал подбородок и сплюнул в придорожную траву:

– Шкатулку? Не понимаю, о чем ты говоришь. Пандорой звали дочь царя Эрихтея. Она принесла себя в жертву ради спасения Афин. Хотя, кажется, была еще какая-то Пандора... Эх, сколько их было... Разве всех упомнишь. И все всем одаренные... – Тимокл оскалил свои гнилые пожелтевшие зубы и хрипло загоготал. – Но наша-то не из таких! Никакого почитания и благородства! Особенно после обряда.

– Обряда?

– Несколько лет назад забрали ее жрицы в услужение. Год ее дома не было. Так хорошо было... – Тимокл мечтательно зачмокал губами. – Тихо, спокойно... Я уж надеялся, что так и останется при храме. Но нет! Вернулась. И теперь шибко умная: все сама знает, то ей не так, это не эдак, житья от нее нет! Вздорная и чересчур любопытная девчонка! Не пристало благородной афинской девушке на выданье вести себя подобным образом! Сидела бы себе в гинекее, на женской половине дома, да занималась хозяйством, так нет же, знает, что хозяин в ней души не чает, и везде сует свой нос. Не дает никому спокойно заниматься своим делом!

«Ага, не дает тащить все, что плохо лежит, и бездельничать!» – сообразил Леша, скорчив гримасу сочувствия и кивая.

Дорога поднималась все выше. Леша оглянулся назад – серо-голубая полоса моря виднелась на горизонте. Впереди обзор загораживала возвышенность, и он с нетерпением ждал, когда наконец из-за холма появится знаменитый афинский акрополь.

Вдалеке что-то блеснуло.

Удивленный Алексей коснулся Тимокла:

– Что это?

Раб самодовольно ухмыльнулся и снисходительно сказал:

– Это блеснит на солнце шлем Афины Воительницы! Он из чистого золота, – напыщенно добавил раб.

Леша прищурился, всматриваясь вдаль: и точно, из-за приближающейся стены показался холм, плотно застроенный белоснежными постройками. На вершине холма угадывался гигантский величественный силуэт, сверкающий на солнце золотыми украшениями. Алексей понял, что это и есть статуя, про которую говорил Тимокл.

Лешино сердце гулко застучало, по спине пробежал холодок. Неужели все это происходит в реальности? Древние Афины: новая точка отсчета. Наконец-то он достиг сердца древнего мира. Пора начинать его миссию.

Глава 5

1

Дом Тофона, зажатый двумя узенькими улочками, ничем не выделялся среди окружающих его строений. Выбеленные стены из глиняных кирпичей, черепичная крыша, тяжелая прочная дверь из тщательно подогнанных досок. Несмотря на некоторый аскетизм, дом был основательным и добротным.

Пройдя с улицы через входную дверь, Алексей очутился в небольшом дворике, окруженном крытой колоннадой. Внутри дом выглядел гораздо более просторным, чем казался на первый взгляд. С трех сторон над двориком возвышались постройки второго этажа. Дворик был чистым и уютным: внутренние стены, в отличие от наружных, были украшены яркими фресками, в центре стоял большой мраморный параллелепипед. Присмотревшись, Алексей решил, что это, скорее всего, алтарь для жертвоприношений. Перед алтарем возвышался бронзовый треножник, в чаше которого тлели угли. Невысокое чахлое деревце бросало на алтарь жиденькую тень, ему было неудобно в этом каменном мешке, но, видимо, это дерево любили и оберегали в этом доме.

Тофон оставил Алексея во дворике, велел обождать. Вскоре во дворе стали собираться рабы, живущие в доме. Леша растерянно мялся, разглядывая разрисованные стены и посматривая на собиравшийся народ. Наконец, во двор вышел Тофон в сопровождении сгорбленной пожилой женщины со свертком в руках и Тимокла с большим подносом.

Тофон торжественно задрал подбородок и произнес нараспев низким голосом:

– О, боги, восседающие на вершине Олимпа! О, всемогущий Зевс Громовержец! О, мудрая Афина! О, хитроумный Гермес! Благодарю вас за нашу удачу, благополучие и благодать! Милостью вашей вводим мы в этот дом нового раба по имени...

Тофон замолк на секунду, тихонько шевеля губами. Леша сообразил, что хозяин придумывает ему имя, и напрягся.

– Алексиус, – невольно сорвалось у него с языка.

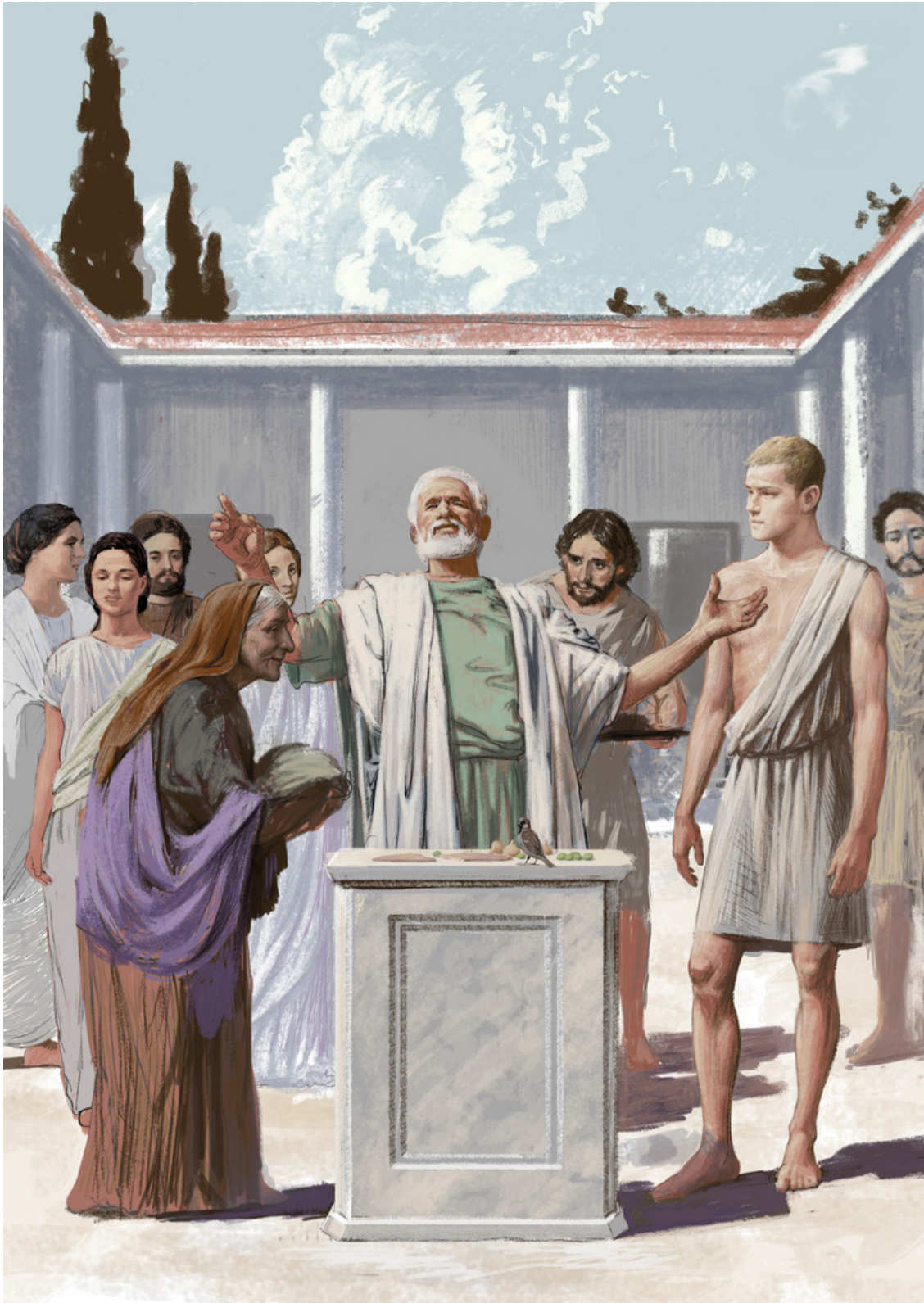
Эллин хмуро взглянул на Лешу, и тот потупил взгляд.

– Ну ладно, – безразлично махнул рукой хозяин. – Алексиус так Алексиус.

Он набрал в легкие побольше воздуха и продолжил:

– Примите этот дар от нашего дома, – с этими словами Тофон с кратером вина в руке подошел к алтарю и щедро плеснул на него, затем разломил лепешку и положил на алтарь.

Вздохмаченный воробей, сидевший на деревце и внимательно наблюдавший за судьбой лепешки, спорхнул на каменную глыбу и начал ковырять клювом тесто.

Тофон улыбнулся:

– Добрый знак! Боги благоволят тебе... гхм... Алексиус. Теперь ты член нашей семьи! Леша, не зная, что делать, переступил с ноги на ногу, неловко улыбнулся и кивнул.

– Будь послушен и исполнительен, – продолжал Тофон, – и будешь сыт и доволен. Почитай богов, своего господина и афинских граждан. Если кто обидит тебя или будет несправедлив к тебе, проси моей защиты и защиты богов. Жрецы храма Гефеста всегда придут на помощь несправедливо наказанным.

Леша осторожно покосился на других рабов. У большинства было скучающее выражение лица. Вероятно, это был обряд принятия раба в семью. Тофон продолжал твердить восхваления богам, видимо, теперь он решил пройтись по всем богам по очереди. Леша решил, что от него требуется просто смиренно стоять рядом.

– ...В знак нашего покровительства возьми этот хитон, – и грек указал на сверток, который держала стоящая рядом женщина. – Мы одариваем тебя нашей милостью и милостью богов! Да будет тебе так же сладко в моем доме, как будет сладко, когда ты вкусишь эти смоквы! – закончив речь, Тофон кивнул Тимоклу. Раб зачерпнул с подноса горсть каких-то плодов, которые оказались подсушенным слипшимся инжиром, и всыпал их в Лешины ладони.

Обряд закончился. Тофон кивнул Алексею и сказал, что по обычаю предков тот свободен до конца дня. Вслед за этим он дал поручение Тимоклу все показать и объяснить новому рабу.

2

Сидя в небольшой кладовке с земляным полом, Леша задумчиво вертел в руках чистый, но уже заштопанный в нескольких местах и порядком застиранный кусок серой шерстяной ткани. При внимательном осмотре ему показалось, что ткань настолько рыхлая, что даже пальцем можно раздвинуть нити и проковырять дырку. Он проткнул мизинцем материю и озабоченно поглядел на Тимокла.

Раб раздраженно прикрикнул:

– Ты что! Глупый варвар, учти: второго хитона тебе не дадут, так и будешь ходить в дырявом!

Леша покорно вздохнул, стянул с себя старый хитон, выданный ему Никомедом еще на корабле, и стал переодеваться. Несомненно, этот хитон выглядел гораздо приличнее прежнего, но тоже, если разобраться, тряпка тряпкой.

Тимокл пришел к похожему выводу, он критически осмотрел результат и тяжело вздохнул:

– Да... Лучше стало ненамного.

Но в данный момент внешний вид не очень заботил Алексея. Пренебрежительно махнув рукой, он потянул Тимокла:

– Ну и ладно. Пошли дом смотреть!

Раб укоризненно покачал головой:

– Истину говорит пословица: «Варваром родился – варваром и помрешь!» – и пошел к двери.

– Слушай, Тимокл, а сандалии мне дадут? А то я все ноги по камням стоптал.

Раб возмущенно обернулся:

– Ну ты и наглец! Хитона тебе мало? Да сандалии не меньше двадцати оболлов стоят, они не у каждого свободного есть! Ишь ты, неженка!

Леша разочарованно вздохнул и, прихрамывая, побрел смотреть дом.

Рабы придерживались простого армейского принципа: «Быть подальше от начальства и поближе к кухне». Так что место приготовления пищи в доме пользовалось особой популяр-

ностью, и все незанятые рабы слонялись поблизости. На кухне, возле священного домашнего очага, хозяйничала пышная розовощекая повариха Антимона, у которой Тимокл, сразу же позабыв обо всем на свете, принялся кланчить кусочек. Но старая ключница Ифигения, следившая за домом и руководившая хозяйственными работами, не дремала и быстро прогнала раба-попрошайку.

– Уу... жадная змея! – зло пробормотал Тимокл, но послушно удалился и увел Лешу за собой.

– Вон там, – пренебрежительно показал на запертую дверь старый раб, – находится женская половина – гинекея. Там же есть лестница на второй этаж, но входить туда без разрешения нельзя. Подвешат и поколотят. Понял?

Леша осторожно кивнул.

– Вот это – андрон, – Тимокл указал на большой, красиво украшенный зал, выходящий широкой дверью и окнами во дворик. – Здесь господин встречается с гостями. Если повезет, будешь им прислуживать.

– А в чем состоит везение?

– Лопают они там от пуза, и вина – залейся. Даже слугам перепадает. Особенно, когда господа ... гхм... устанут... – Тимокл мечтательно зажмурился и причмокнул губами, затем вздохнул и повел Алексея вглубь дома.

Они немного попетляли по длинному коридору, мимо запертых кладовок и подсобных помещений и зашли в большую неопрятную комнату. Внутри стоял спертый запах прелой соломы. На полу лежала груда каких-то тюфяков и тряпок.

– Вот здесь живут слуги. А служанки живут на втором этаже... – Тимокл печально вздохнул и о чем-то задумался. Затем его взгляд упал на матрасы, он поморщился и почесался.

Лешу передернуло.

– Будешь спать вон там, – кивнул Тимокл в дальний угол.

– А у вас нет отдельного... отдельной комнаты?

Тимокл презрительно посмотрел на него и ничего не ответил.

Алексей вспомнил слова Тофона, что он свободен до конца дня, и ему очень захотелось посмотреть город. Поблагодарив Тимокла, он вышел во двор, осмотрелся и, никого не заметив, быстро двинулся к двери. Однако оказалось, что так просто улизнуть из дома не получится. Рядом с входной дверью, в небольшой темной нише, которую Алексей сперва и не заметил, сидел привратник.

– Ты куда? – сурово спросил он.

Алексей вздрогнул от неожиданности.

– Я? Эээ... В город...

– Вижу, что в город! Зачем?

На мгновение Лешу охватила легкая паника. Он было вообразил, что его схватят и обвинят в попытке к бегству. А что потом? Рудник?

Во дворе уже показалась ключница Ифигения:

– Куда это ты собрался?

Леша лихорадочно пытался придумать вескую причину.

Наконец его осенило:

– Иду в храм. Поблагодарить богов за то, что попал в такую замечательную и благородную семью.

Взгляд Ифигении подобрел:

– Молодец! Обожди-ка.

Она скрылась за дверью и скоро вынесла Алексею несколько лепешек:

– Начни с Гестии и поблагодари Гермеса! Главное, не заблудись. Но если что, спроси дом Тофона. Его всякий покажет.

– Большое спасибо... Госпожа.

При слове «госпожа» Ифигения фыркнула. Затем улыбнулась и покровительственно коснулась Лешиной руки:

– Ты славный юноша. Держи! – она протянула Алексею маленькую медную монетку. – Благодарю богов!

– Спасибо! – повторил Леша и открыл дверь.

– Чтобы воротился домой засветло! – строго крикнула ему вслед ключница.

Глава 6

1

Сквозь закрытые ставни пробивались солнечные лучи, пронизывая темную комнату. Несколько лучиков упали на теплое покрывало, в которое куталась Пандора. Она лежала, прислушиваясь к голосам, идущим снизу. Встать или еще понежиться в кровати?

Девушка высунула руку из-под одеяла и повела ладонь сквозь натянутые солнечные нити, словно ведя ткацкий челнок. Выхваченные светом пылинки закружились в веселом танце. Так, наверное, и прядут Мойры бесконечную пряжу судеб. Девушка вздрогнула от острого воспоминания. Такое же летнее солнечное утро. На акрополе еще царит тишина, но строгая Лисимаха уже будит девочек-послушниц. Да, у строгой жрицы невозможно было выспаться вдоволь. Тогда это казалось мучением. А сейчас... Пандоре вдруг показалось, что она бы отдала все на свете, лишь бы снова стать десятилетней девочкой. Сидеть у ткацкого станка, неторопливо водить челноком, и слушать бесконечные волшебные сказки, которые так завораживающе рассказывала жрица Афины.

Прохладный воздух постепенно наполнялся повседневными запахами и звуками. Сдобный аромат свежих лепешек, стук посуды, плеск воды – обычная утренняя суэта. Послышался голос отца, раздающего указания слугам. Пандора прислушалась. Почему же такая суматоха? Кажется, отец собрался в Пирей. Вчера он говорил, что нужно посетить пару купцов и приглядеть нового слугу в мастерские.

Пандора села на кровати и затаила дыхание. Точно! Вот слышны напутствия Ифигении. Она собирает узелок с едой в дорогу отцу. Раздались последние жалобные причитания Тимокла. Протяжно скрипнула и громыхнула тяжелая дверь. Наконец наступила тишина.

Отец вернется лишь к вечеру. Вот шанс, которого она ждала столько дней! Пандора тихо опустила босые ноги на пол и поджала пальцы. Прохладно. Завернувшись в одеяло, девушка осторожно встала и бесшумно подошла к двери. Все тихо. Пока Ифигения думает, что она спит, все в доме будут ходить на цыпочках. Идти или нет? Пандора заметила, что ее бьет дрожь. Как в ту ночь на аррефории. Как трудно было сделать первый шаг по ночной тропе... И сейчас нужно сделать такой шаг.

А что если отец узнает? Как объяснить, что вопреки всем обычаям благородная девушка из приличной семьи одна пошла в город? Отец никогда ей этого не простит. Нельзя, чтобы он узнал об этом. Ее пронзил укол стыда и раскаяния. Тогда она умрет от позора! Но будто неведомая сила влекла ее туда, на акрополь, в священный Аррефорион, к мудрой Лисимакхе, которая всегда все понимала. Только она подскажет и даст совет. О боги! Если бы мама была жива...

Стараясь не шуметь, Пандора быстро накинула тонкий желтый хитон, собрала волосы в пучок и завязала сандалии. Конечно, так идти нельзя. Она задумчиво рассматривала свой голубой пеплос, разложив его на кровати. Нет. Он слишком хорош. Одинокая девушка в такой одежде, даже спрятав лицо, привлечет ненужное внимание. Ей нужно что-нибудь старое, невзрачное и тяжелое. Может, спросить у Ифигении? Пандора вздохнула. Без помощи старой ключницы все равно не обойтись, но хоть с этим она постарается справиться сама.

Взгляд Пандоры упал на тяжелый сундук в углу. Давно она не открывала его. Девушка подошла к сундуку, встала на колени и взялась за тяжелую крышку. Легкий скрип словно предвещал встречу с тайной. На Пандору пахнуло пылью и тонким, давно растворившимся в памяти ароматом. Девушка стала осторожно доставать из сундука вещи и раскладывать их на полу.

А вот и он. Старый, выцветший, обветшалый и полинявший пеплос из грубой шерстяной ткани. Вместе с большим и таким же плотным и грубым платком – диплаксом. Закутавшись в них, можно остаться неузнанной и незаметной. Пандора аккуратно развернула диплакс и накинула его на плечи. Тепло. Ее коснулся легкий фиалковый аромат. Девушка прижала грубую ткань к щеке и глубоко вдохнула. Может, это запах мамы? Столько лет прошло... Мог ли он сохраниться? Ей очень хотелось верить в это.

Несколько минут Пандора сидела неподвижно, купаясь в далеких расплывчатых воспоминаниях и мечтах. Наконец, она встала, аккуратно сложила одежду и открыла дверь.

Ифигения словно ждала ее появления:

– Доброе утро, моя госпожа! Что же ты меня не кликнула? Я бы помогла!

– Помоги мне умыться.

Ифигения крикнула Антимоне, чтобы та накрыла на стол, и пошла за теплой водой. Пандора вышла во двор.

Вскоре перед девушкой стоял завтрак: килик с разбавленным вином, козий сыр, маслины, горсть сушеных фиг и несколько теплых пшеничных лепешек, запах которых давно дразнил ее.

– Кушай на здоровье, госпожа!

– Спасибо, Ифигения.

Девушка шепнула короткую благодарность Гестии. Плеснула богине вина и отщипнула несколько крошек от лепешки. Затем откусила небольшой кусочек и улыбнулась служанке.

Ключница засутилась:

– Как сыр? Не слишком соленый?

Пандора неопределенно пожала плечами.

– Отец уже ушел?

– Да, милая. Совсем недавно. И Тимокл с ним. Они в Пирей пошли.

– Поздно вернутся?

– Ох, молю Зевса, чтобы засветло обернулись.

Пандора на мгновение зажмурилась и наконец решила:

– Ифигения, послушай... Я... к Гиппарете схожу.

– Ох, госпожа... Негоже, когда хозяина нет, из дому выходить.

– Ифигения! Гиппарета живет в соседнем доме! Я постоянно к ней хожу. Ты же знаешь! Мне... – Пандора замялась. – Мне нужно ей кое-что показать. Я сейчас один пеплос тку. Никак не могу решить, какую кайму сделать.

Старая ключница бросила на девушку цепкий взгляд и отвернулась.

– Воля твоя, госпожа. Не засиживайся долго.

– Меня Антимона проводит! Ты не беспокойся. Когда домой соберусь, пришлю служанку, чтобы меня встретили.

– Хорошо, госпожа. Но лучше тебе домой вернуться раньше хозяина.

– Конечно. Зачем отца беспокоить?

Быстро закончив завтрак, Пандора сбегала наверх. Накинула голубой пеплос, взяла сверток с плащом и спустилась во двор. Раскрасневшаяся от жара печи Антимона уже ждала ее во дворе, вытирая наспех вымытые руки. От нее вкусно пахло горячим хлебом.

– Пошли! – решительно сказала Пандора, закутываясь в пеплос.

Ифигения с легким неодобрением смотрела им вслед. Потом вздохнула, шепнула что-то, обращенное к богам, и покачала головой.

Затаив дыхание, Пандора медленно поднималась по широкой мраморной лестнице. По пути на акрополь она вздрагивала от каждого брошенного на нее взгляда, шарахалась от каждого встречного. Но сейчас все волнения вылетели у девушки из головы. Ее захватили восторг и благоговение. С пропилей совсем недавно сняли строительные леса, и ей еще не доводилось видеть их во всем строгом великолепии. Несколько лет назад, когда она была послушницей в Аррефорионе, строительство пропилей только-только начиналось. Кругом были пыль, грязь и слышалась постоянная ругань рабочих.

Пандора вспомнила, как каждое утро они вместе с Гиппаретой выбегали во двор Аррефориона и глазели на всю эту рабочую суету, рисуя в нетерпеливом детском воображении картины торжественного шествия, несущего дары богине. А они во главе процессии, и все вокруг стоят и восхищаются их красотой и благочестием. Каждое утро девочкам казалось, что еще чуть-чуть – и все будет готово. В детстве всегда все кажется быстро и легко.

Пандора подошла к ограде, отделяющей оживленный акрополь от тихого дворика, в котором девочки послушницы служили богине, и осторожно постучала. Отворилась калитка, и старая рабыня-привратница сурово посмотрела на девушку. Здесь не любили незваных гостей.

– Хайре! Благословит тебя совоокая Богиня, – прошептала Пандора и чуть приподняла диплак, позволив рабыне рассмотреть свое лицо.

Глаза привратницы подобрели. Она узнала девушку. Для всех, кто когда-либо нес послушание в этих стенах, вход в святилище всегда был открыт.

Скрипнула калитка, и Пандора будто окунулась в тишину, покой и благодать, так памятные ей. Вдоль ограды пышно цвела мальва, наполняя маленький дворик фиолетовыми брызгами ярких красок. Повинуясь полузабытому ритуалу, девушка сделала шаг в сторону, коснулась небольшого алтаря и склонила голову, шепча благодарность богине. Затем сорвала бутон с куста и положила его на алтарь. Все было в точности как во снах, мучавших ее в последнее время.

– Проходи, дочка, – привратница приветливо махнула рукой и села на скамеечку возле калитки.

Осторожно, словно крадучись, Пандора поднялась по ступенькам и вошла в прохладную тень храмового зала. Ее сердце заныло от нахлынувших воспоминаний. Две девочки, сонно сидящие за ткацкими станками, увидев гостью, бросили челноки и вскочили.

– Так, девушки! Вы уже закончили работу? Кто вам позволил остановиться? – раздался за спиной Пандоры строгий голос.

Послушницы вздрогнули, быстро сели на клисмасы и схватились за челноки. Пандора с трудом подавила невольный порыв присоединиться к ним.

Она обернулась. Сзади стояла жрица Афины Лисимаха и строго смотрела на девочек, но на лице ее гуляла легкая улыбка.

Пандора сняла с головы диплак и преклонила колени перед жрицей.

– Хайре, госпожа! Благослови меня.

Лисимаха нежно улыбнулась, шепнула посвящение богине и прикоснулась сухими холодными губами к горячему лбу гостьи.

– Здравствуй, Пандора! Давно я тебя не видела.

Жрица протянула к ней руки, помогая подняться, затем сделала шаг назад, разглядывая девушку.

– Как ты подросла! Хвала Киприде! – Лисимаха с явным удовольствием и одобрением смотрела на Пандору. – Я всегда знала, что ты вырастешь красавицей. Но сейчас... У меня просто нет слов! Девочка моя, ты прекрасна!

Щеки Пандоры залило румянцем. Она спрятала глаза, на мгновение позабыв обо всем от смущения.

– Ну, ну. Не переживай. Тебе не нужно стесняться своей красоты. Боги награждают достойных... – улыбку Лисимахи вдруг сменила маска суровой серьезности. Она испытующе посмотрела на девушку. – Надеюсь, ты была благоразумна?

– Да, госпожа.

– Значит, все хорошо. Идем, расскажешь мне, что привело тебя в святилище.

Лисимаха повела Пандору в свои покои, посадила на высокий климос в углу, села рядом и выжидающе посмотрела на девушку.

Мысли Пандоры перепутались. Все вылетело из головы. Но Лисимаха терпеливо ждала.

– Я... Мне кажется... Я думаю... что хочу служить богине.

– Стать жрицей?

– Да, госпожа!

Лисимаха тяжело вздохнула и вопросительно глянула на Пандору.

– Жрицы богини от многого должны отказаться: от мужа, дома, родных и, главное, детей. Ты готова на такую жертву?

– Госпожа, этот храм – мой дом! Последние месяцы мне часто снится, что я опять стала маленькой девочкой. Что я сижу здесь, с тобой и тку наряд для богини. Дома я чувствую себя чужой. Я не могу ни с кем поговорить. Отец все время занят... И ему не интересно слушать меня...

– Ты уже совсем взрослая. Ты скоро выйдешь замуж. У тебя будет свой дом!

– У отца нет сыновей. Лишь я одна... Дома все шепчутся, что меня отдадут за дядю Анита, чтобы все мое приданое осталось в семье. Я видела его на похоронах тети. Он отвратительный и мерзкий! А еще он жадный и злой. Я не хочу!.. – Пандора зарыдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.